

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ДОЗА ДЛЯ ТИГРА



Полковник Гуров

Николай Леонов

Доза для тигра (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Доза для тигра (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2018 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-096356-0

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове – герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров. Расследуя дело наркоторговцев, полковник МВД Гуров выходит на бродячий цирк, расположившийся на краю города. По заявлению свидетелей, там жестоко обращаются с дикими животными, добавляя в их рацион наркотики. После этого хищники становятся покорными и нечувствительными к боли. Гуров понимает, что кочующее шапито – это еще и очень удобный способ хранения и транспортировки смертельного зелья. Сыщик решает поближе познакомиться с жизнью артистов. Он идет на ближайшее цирковое шоу и попадает в самую гущу событий. Страшные предположения полковника подтверждаются прямо перед началом представления...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096356-0

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Доза для тигра	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Николай Леонов, Алексей Макеев

Доза для тигра

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Доза для тигра

Глава 1

Оперуполномоченный по особо важным делам полковник Лев Гуров проснулся в половине седьмого утра. Первым, что он увидел, были захватанные жалюзи гостиничного номера, и Гуров с удовольствием подумал, что любоваться на эту малохудожественную картину придется еще максимум день-два.

Сложное дело, в связи с которым полковнику пришлось выехать в Самару, близилось к завершению. Правительственный чиновник, имевший неплохо раскрученный бизнес с филиалами в нескольких городах, даже не подозревал, что его незаконное предпринимательство давно привлекло внимание соответствующих органов. Однако благодаря кропотливым трудам Гурова и его коллег из местного УВД можно было не сомневаться, что ловкий государственный деятель досиживает в своем кресле последние «золотые» денечки.

Дело оказалось на редкость нудным и в то же время запутанным. Чтобы составить четкую картину того, каким образом чиновник курировал свой бизнес и осуществлял «удаленное управление», пришлось перелопатить массу документов. Пункты бесчисленных договоров и цифры бухгалтерской отчетности уже начинали мерещиться Гурову в снах, когда он, наконец-то, почувствовал, что нащупал ниточку, ведущую к главному «виновнику торжества».

Зато дальше все пошло как по маслу. Схема внутренних взаимодействий этой разветвленной организации скоро прояснилась и теперь лежала перед мысленным взором полковника как на ладони. Оставалось лишь фиксировать и собирать в отдельную папку документы, которые могли пригодиться в качестве улики и доказательств.

Приняв душ и сделав небольшую утреннюю разминку, Лев включил электрический чайник и достал из холодильника припасенный с вечера бутерброд. Самарский отель не принадлежал к числу пятизвездочных, и надеяться на «завтрак в постель» здесь не приходилось.

Перекусив, полковник, по привычной уже схеме, отправился «в гости» к своему коллеге майору Крылову.

Тридцатипятилетний Алексей Крылов был сотрудником из числа так называемых перспективных. Он очень активно строил свою карьеру и, готовый работать хоть двадцать четыре часа в сутки, успевал, кажется, везде.

Поэтому, когда стало известно, что в контакте с местной полицией будет работать знаменитый полковник из Москвы, в помощники ему дали именно Крылова.

– Здорово, Леха! – бодро приветствовал коллегу Гуров, входя в кабинет. – Уже трудишься?

Несмотря на ранний час, Крылов сидел перед горой каких-то, по-видимому, очень интересных бумаг, сосредоточенно уставившись в очередную счет-фактуру.

– Да, вот... решил посмотреть, – рассеянно ответил он, увлеченный делом. – Здесь, похоже, не только с принадлежностью этой фирмы нюансы. Они и работали еще довольно своеобразно. На одни и те же стройматериалы цена до такой степени разная, что даже удивительно. Нужно будет Юрика озадачить. Пускай съездит, выяснит, что это за поставщики такие у них интересные.

– Озадачь, – кивнул Лев, усаживаясь за выделенный ему стол, где возвышалась почти такая же кipa документов.

Юрий Селезнев работал «на подхвате» у Крылова, но так же, как и сам майор, трудился под чутким руководством Гурова.

Очередной рабочий день мало чем отличался от череды других таких же. Неделя, которую провел полковник в Самаре, была до предела насыщена работой.

Вот и сегодня ему не пришлось сидеть без дела. Закончив просматривать документы, он вместе с Юрой поехал к «интересным поставщикам», потом проводил допросы в филиале фирмы. В разъездах и разговорах время шло незаметно, и когда Гуров вновь появился в знакомом кабинете, он с удивлением обнаружил, что рабочий день закончился еще полчаса назад. Однако свой собственный трудовой день он еще не считал завершенным. Необходимо было сравнить информацию, полученную в ходе допросов, с той, которая была зафиксирована в отчетных документах, и полковник понял, что ему в очередной раз придется задержаться допоздна.

– Ничего, зато смогу пораньше уехать домой, – с улыбкой ответил он проявившему сочувствие Крылову. – Надоело уже это дело до изжоги. Да и тебя напрягаю. Кабинетик-то на одного рассчитан, если я правильно понял.

– Ну что вы! Что значит, «напрягаю»? – запротестовал Крылов. – Наоборот. Для меня настоящая честь работать с таким асом. К тому же вы – знаменитость. Мне весь отдел завидует, если хотите знать.

– Было бы чему завидовать, – усмехнулся Лев. – Я до ночи сижу, да и ты вместе со мной допоздна здесь торчишь. Как же, неудобно. «Знаменитость» будет над бумажками корпеть, а ты отдыхать пойдешь. А? Что, угадал?

– Ну что вы...

– Ладно уж, не возражай. Знаю ведь, что правды не скажешь. Давай хоть Юру твоего отпустим. Пацан зеленый, ему в этом возрасте на работе перенапрягаться даже вредно. Пускай домой идет, мамкины пирожки кушать. А то истощит все ресурсы, как тогда развиваться растущему организму?

– Да, кстати, про Юру, – встрепенулся Крылов. – Он меня как раз спрашивал... У него там дело какое-то из ряда вон выходящее, он с вами поговорить хотел.

– Так что ж не поговорил? Мы ведь с ним сегодня полдня вместе по городу катались. Юра и словом не обмолвился ни о каком «из ряда вон выходящем деле». Или он в таких случаях у тебя разрешение спрашивать обязан? – лукаво прищурился Лев.

– Да нет, не обязан, конечно, – улыбнулся Крылов. – Просто стесняется. Дело, говорит, личное, неудобно такого важного человека по пустякам беспокоить.

– Вот оно что. Но, наверное, важное оно, дело-то, если не может про него забыть, даже несмотря на то, что беспокоить неудобно?

– Наверное, важное. Я, честно говоря, не уточнял. Так вы поговорите с ним? А то он уже истомился, бедный.

– Конечно, поговорю, – просто ответил Гуров. – Что еще за церемонии дурацкие? Если есть дело, значит, нужно его излагать. Тем более если оно важное.

– Так, значит, я позвоню, пусть подходит? – как бы желая еще раз убедиться, повторил Крылов.

– Конечно, звони.

Сообщив «истомленному» Юре, что его просьбу готовы выслушать, Крылов деликатно покинул кабинет, чтобы не мешать «личному» разговору.

Уже через несколько минут напротив Гурова сидел худощавый темноволосый паренек, явно очень смущавшийся и чувствовавший себя не в своей тарелке.

– Это, в общем-то, не моя идея... – нерешительно мямлил он. – Это все Галка. Неймется ей. Говорит – столичная знаменитость, да еще полицейский, его, говорит, обязательно послушают. Надо, говорит, ему сказать.

– Галя – девушка твоя? – прервал Лев этот несвязный лепет.

– Галка-то? Нет, что вы! Это сестра. Сестра моя младшая. На год младше. Она у меня животных очень любит. В детстве просто всю семью затерроризировала, чуть не каждый день то щенка, то котенка с улицы тащит. А когда подросла, то других терроризировать стала. Собрала кучку таких же сумасшедших и зарегистрировала некоммерческую организацию. Общество по защите животных. «Верный друг» называется.

– Что ж, по-моему, дело правильное, – одобрил Гуров. – Почему же сумасшедшие?

– Да потому, что никакой меры не знает, – с досадой проговорил Юра. – Лезет везде, и где надо, и где не надо. И на животноводческие фермы навещается, и в зоопарки. На фермах – там понятно, для чего животных выращивают, их судьба изначально определена. Нет, она и тут защищать рвется.

– Что ж, если человек животных любит, по-моему, это... хорошо. Только я не совсем понял, при чем тут, собственно, я?

– Ах да! Заговорился, извините. Отвлекся от темы. Она вас тоже хочет к этому делу привлечь. К этой самой защите животных. Поскольку вы – из Москвы, да и вообще человек известный. К тому же полицейский. А я еще, как назло, разрекламировал ей, – с досадой добавил Юра. – Похвастаться хотел, с какими важными людьми работаю.

«Представляю себе», – подумал Лев, глядя на простодушное лицо парня.

– Вот она и усекла, – продолжал Юра. – На лету, можно сказать, поймала. С ней вообще ухо остро держать нужно. Что ни скажешь – первым делом ищет, нельзя ли из этой новости какую-нибудь пользу для этого своего «Верного друга» извлечь. И ведь находит!

– Молодец, – усмехнулся Гуров.

– Да уж, – озабоченно сдвинул брови Юра. – И в этот раз тоже так получилось. Сказал я ей – мол, вот какой человек к нам приехал, не каждому шанс выпадает с такими людьми поработать. Ну она и вцепилась. Поговори да поговори с ним. Он, дескать, наверняка поможет.

– В чем помочь-то?

– Да вот как раз в защите. – Она хочет, чтобы вы, как авторитетная личность, выступили и привлекли внимание, как говорится, к проблеме. У нас тут заезжий цирк гастролирует. В представлении, понятно, есть номера с животными. Какой же цирк без дрессировщиков? Так Галке прямо с первого дня нейдет. И мучают их там, зверей беззащитных, и не кормят. Там у одного мужика номер с тиграми. Так вот взбрело ей в голову, непонятно с чего, что этот мужик, чтобы тигры на него не кидались, разными препаратами их колет. В смысле – наркотическими. Она уж и сама прорваться туда пыталась с этой бригадой своей «дружеской».

– Тигров защищать?

– Наверное. Понятно, что послали их оттуда на все четыре стороны, даже на порог не пустили. Но она не успокоилась. Это ж Галка. Думала, думала, как делу пособить, а тут и я кстати со своим рассказом подвернулся. Она и усекла. Важный человек, говорит, да еще и полицейский. Ему они отказать не посмеют. Если, говорит, такой человек свое авторитетное мнение выскажет, через газету, например, или на радио, они точно больше не посмеют издеваться.

– Над беззащитными тиграми?

– Ну да, – тяжело вздохнул Юра. – Знал бы, что так обернется, слова бы не сказал! А теперь... теперь чего уж. Но если вы не хотите, вы прямо так и скажите, – встрепенулся он. – Я ей так и передам – нечего, мол, человека от важных дел по пустякам отрывать.

– А откуда у нее такая информация? – поинтересовался Гуров, не торопясь отвечать. – Даже если дрессировщики в своей работе и используют какие-то препараты, вряд ли они это широко рекламируют.

– А кто ее знает? – снова вздохнув, ответил Юра. – Какие-то там свои у нее «источники». Не выдает. Эти «дружинники» ее – как угри скользкие, везде умудряются просачиваться. Вот уж агентура так агентура! Любое ЦРУ позавидует.

– Только цели этой «разведки», похоже, узконаправленные, – улыбнулся Гуров.

– Да, только то, что касается животных. Как содержат, как кормят, не обижают ли. Этот цирк они с самого первого дня опекают, думаю, было время, чтобы информацию собрать.

– Конечно, информация интересная. Только ведь голословно делать такие заявления не следует, сам понимаешь. Предполагать-то мы что угодно можем, да и с «агентурой» общаться никто не запрещает. Но для того, чтобы все эти подозрения во всеуслышание озвучить как доказанный факт, эти доказательства иметь надо.

– Я понимаю, – нахмурился Юра. – Так что ж, значит... сказать ей, чтобы отстала? Ну, правильно, я и сам так думал. Надо было сразу. И чего полез? Действительно, только зря человека от дела отвлекаю. Вы извините, что...

– погоди, не спеши, – перебил Гуров, глядя на расстроенное лицо парня. – Я ведь не сказал, что отказываюсь. Я сказал, что такие заявления не должны быть безосновательными, поэтому ты должен помочь мне эти основания раздобыть.

– Я?! – удивленно воскликнул Юра. – Но это же Галка... ее епархия. Я даже не знаю, с какой стороны подходить к нему, к этому цирку.

– Беда с тобой, Юра, – покачал головой Лев. – Ну, зови тогда свою Галку, если уж сам толком ничего сказать не можешь.

– Да? Правда? Вы с ней поговорите? – Счастливое выражение на лице Юры ясно показывало, что у человека исполнилась заветная мечта.

– Почему нет? С удовольствием пообщаюсь с твоей сестренкой, которая так неравнодушна к судьбам братьев наших меньших.

– Вот спасибо! Просто огромное спасибо! Я сейчас... сейчас позвоню ей. Она тут... она быстро, минут через пять будет. Сейчас... я мигом.

Держа перед собой трубку, Юра выскочил в коридор, и вскоре оттуда стали доноситься взволнованные и восторженные возгласы.

– ...Согласился, представляешь?! Да, конечно! Живо давай, моментом! Одна нога здесь, другая...

Хотя и не через пять минут, но действительно довольно быстро он вернулся в кабинет, на сей раз уже в сопровождении молодой девушки, такой же худощавой и темноволосой, как он сам. Лицом Галина тоже походила на брата, но многочисленные веснушки на этом лице были гораздо заметнее, да и темные волосы девушки имели каштановый оттенок.

– Здравствуйте! – торжественно произнесла Галина, и Гурову почему-то сразу представилась в воображении первоклассница, приветствующая директора школы. – Вы – Гуров? Лев Гуров? Это правда?

– Правда, – улыбнулся полковник. – Могу показать удостоверение.

– Не нужно, я верю, – великодушно разрешила веснушчатая Галина. – Мне Юрик говорил. – И тут же бойко заговорила: – Вы должны наказать их! Привлечь к ответственности. Извергам и мучителям не место в нашем обществе! Их не только к животным, их даже к людям без намордника нельзя выпускать!

– А если немного конкретнее? – спокойно поинтересовался Гуров. – О чем, собственно, идет речь?

– Это все Шутов, – не сбавляя оборотов, так же пылко продолжала Галина. – Геннадий Шутов, их дрессировщик. Это он у них там главный. Главный изверг. Думает, если он тигров дрессирует, так ему все позволено. Тоже мне, гвоздь программы. Ты, если с хищниками работаешь, сделай так, чтобы звери доверяли тебе. Правильно я говорю? Добейся, чтобы они с желанием твои трюки выполняли, а не из-под палки. Обрадовался, что у него профессия опас-

ная. Что ж, если опасная, так, значит, все можно? И над животными издеваться, и наркотой их пичкать, и самому... Ведь наверняка он и сам что-нибудь принимает, – уверенно проговорила девушка. – Как же может быть иначе? Что же он, тигров своих потчует, а сам и не попробовал ни разу? Да в жизни этому не поверю! Его арестовать надо, – твердо резюмировала она. – Как изверга и торговца наркотиками.

– Так, Галина, давайте по порядку, – с тем же спокойствием произнес Гуров. – Начнем с тигров. Ведь, если я правильно понял, именно их судьба вызывает у вас главные опасения?

– Конечно! – с жаром подтвердила Галя. – Как можно так обращаться с животными? Он просто изверг, самый настоящий изверг! Изверг и живодер!

– Откуда у вас информация, что этот дрессировщик... Шутов, если не ошибаюсь?

– Да, Шутов. Геннадий Шутов.

– Откуда вы знаете, что он колет своим тиграм наркотические препараты?

– То есть как?.. Да об этом уже все знают. Давно известно, что все, кто с хищниками работает, делают им уколы, чтобы они не набросились, не были такими агрессивными. А как же им не быть агрессивными, если с ними так обращаются? – снова начала набирать обороты ступевавшаяся было защитница животных. – Держат впроголодь, бьют палками. Тут любой станет агрессивным. Вместо того чтобы с лаской подойти, постараться завоевать доверие животного...

– Галина, давайте не будем отвлекаться от главного, – перебил ее Гуров, начинавший уже уставать от неумеренной эмоциональности Юриной сестры. – Наркотики у нас не поступают в свободную продажу, их использование – серьезное обвинение. Чтобы предъявить такое обвинение кому-либо, необходимо иметь в активе железные аргументы. Улики, доказательства. У вас же пока одни слова. Я понимаю, вам жалко животных, но на одних эмоциях обвинительное заключение не построить. У вас есть какие-то конкретные факты?

– Факты? Конечно! Факты... Да у меня полно фактов!

Но очередная эмоциональная тирада вновь не содержала ничего конкретного. Из слов Галины можно было заключить, что ее нерушимая уверенность базируется в основном на том, что о применении Шутовым наркотиков «все знают», что это «невооруженным глазом видно» и что об этом «все говорят».

– Да к ним стоит только на представление сходить, все уже понятно становится, – уверяла Галина. – Тигры, бедненькие, еле-еле по лавкам этим перескакивают. Понятно – голодные. Да обколотые еще. Конечно, куда уж им на него бросаться, на дрессировщика этого гениального, как бы совсем не упасть. А тот и доволен. Ходит между ними покрикивает, плеткой помахивает. Счастлив – аж изнутри светится. Сразу видно – под кайфом.

– И по каким же признакам это видно?

– Да по всем. И глаза у него блестят, и возбуждение такое... неестественное. Животные еле на ногах держатся, а он от радости просто фонтанирует весь. А чему радоваться-то?

Галина говорила очень эмоционально и, похоже, совершенно искренне думала, что высказывается по делу, но Гуров ясно видел, что «прецедент» здесь отсутствует как таковой, и самое логичное, что он может сейчас сделать, – это отправить эмоциональную девушку восвояси.

Однако, с другой стороны, полковник понимал, что делать этого ни в коем случае нельзя. Веснушчатая Галина, уверенная, что обрела в его лице панацею и защиту от мировой несправедливости, конечно же, очень болезненно отреагирует на отказ. То, что она разочаруется в сотрудниках полиции, еще можно пережить, но допустить, чтобы в чистой юной душе погибла вера в доброе и вечное... нет, такое допустить решительно невозможно.

Подумав, как выйти из этого безвыходного положения, Лев решил предложить промежуточный вариант.

– Послушайте, Галина, давайте сделаем так, – с неизменным спокойствием сказал он. – В силу своей профессии я привык проверять факты. Конечно, я не сомневаюсь, что все сказанное вами – чистая правда, но такая уж у меня дотошная натура – во всем предпочитаю убедиться лично. Вы ведь хотите, чтобы я обнародовал факт использования в работе дрессировщиком Шутовым запрещенных препаратов, правильно я вас понял?

– Да! Именно! Обнародовать и арестовать его, – оживленно подхватила Галина. – Как изверга и наркомана.

– Ну, арестовать... это уж как получится. Хотя, если использование наркотиков подтвердится, что ж... не исключено. Однако, чтобы выяснить это, нам с вами нужно будет проверить все на месте. Отправиться в цирк, поговорить с этим Шутовым, посмотреть, как он проводит занятия с животными.

– Ага, попробуй там появиться, – надула губки Галина. – Пытались уже. Они и близко не подпускают...

– Меня, я думаю, пустят, – веско произнес Гуров. – А вы пройдете в качестве моей ближайшей помощницы. Идет?

– Да, вас, наверное, пустят, – проговорила Галина, оценивающе смерив его взглядом, будто хотела убедиться, что заявление это не голословно. – То есть наверняка пустят. Вы же из Москвы, тем более – полицейский. Точно пустят. И я с вами пройду. Я же тебе говорила, Юрик, – повернулась она к брату, – он нам поможет.

Закончив на этой оптимистической ноте не слишком продуктивный разговор и договорившись о встрече завтра утром, Гуров попрощался с эмоциональной молодежью.

«Часа три займет, не меньше, – с досадой думал он о завтрашнем путешествии. – Псу под хвост. Но что мне остается? Раз уж обещал... Но если обнаружится, что подозрения девушки вовсе не надуманные, что ж, в этом случае как минимум не будет зря потеряно время. Ведь дрессировщик откуда-то берет наркоту, раз действительно колет ею своих тигров, а это – канал. Ниточка, ведущая к торговцам. При правильном подходе такие ниточки на целую разветвленную организацию могут вывести».

На следующее утро в половине восьмого Гуров уже «дежурил» возле растянутого на городской площади циркового шатра. Начало сентября выдалось теплым, и чистое, без единого облачка, небо предвещало еще один погожий день.

Шапито с романтическим названием «Иоланта» ничем не отличалось от сотен гастролирующих цирков, выступавших в больших и малых городах России. Ярko раскрашенный шатер, красочные афиши и специфический запах, обязательный для мест, где в неволе содержатся животные.

Побродив вокруг да около и полюбовавшись на стоявшие поодаль фургоны, служившие, по-видимому, и средством транспортировки, и жильем для артистов, Гуров увидел спешившую к цирку Галину в сопровождении долговязого парня с физиономией типичного «ботаника». Галина что-то говорила ему, по своему обыкновению, очень оживленно и эмоционально, и даже не замечала идущего навстречу Гурова.

– Ой, здравствуйте! – наконец заметив полковника, радостно воскликнула она. – Вы уже здесь? Ну и дела! Мы вышли пораньше, чтобы вам ждать не пришлось, а вышло наоборот.

– Я сам не люблю заставлять людей ждать, – улыбнулся Гуров, – поэтому предпочитаю приходить раньше.

– Да? Ну надо же! Вот и я тоже. Познакомьтесь, это Леня, – небрежно кивнула на своего спутника Галина, – журналист нашей местной многотиражки. Думаю, после нашего сегодняшнего визита у него появится отличный материал для разоблачительной статьи. Леня, это – Гуров. Тот самый, знаменитый. Помнишь, я говорила тебе?

Вместо ответа Леня меланхолично кивнул полковнику.

– Очень приятно, – произнес Лев. – Так что, идем на штурм?

– Идемте! – с готовностью отозвалась Галина. – Только видите – у них закрыто все. Сейчас еще рано.

– А мы постучимся. Может, откроют.

Гуров и его спутники подошли к небольшой двери, через которую на представление попадали зрители, и он громко постучал. Но, как и предсказывала защитница животных, реакции не последовало. Попытку пришлось повторить несколько раз, прежде чем из-за двери послышалось шарканье и недовольный старческий голос:

– Да иду уже, иду! Чего ломитесь с утра пораньше?

Через минуту дверь приоткрылась, и из-за нее показался небольшого роста дедок в черной вязаной шапке и телогрейке.

– Ну, чего надо? – неприязненно взглянув на стоявшую возле входа компанию, проговорил он. – Позже приходите, представление в десять.

– А мы не на представление, – разворачивая корочки, ответил Лев, – мы по другому вопросу.

– По какому? – Дедок встревоженно переводил взгляд с Гурова на фотографию в документах и обратно, явно не зная, как поступить.

– По личному. Поговорить нужно кое с кем из ваших артистов.

– Поговорить? С кем? – тянул время дедок.

– Например, с дрессировщиком тигров. Шутов, кажется? – поворачиваясь к Галине, уточнил полковник.

– Да! Шутов! Шутов Геннадий, – бойко вступила она. – Звезда их... обколотая.

– Малахольную эту не пущу, – категорически заявил дедок, сердито взглянув на девушку. – Вы можете проходить, а эта... нет. Она уже всех тут достала. Сама ты обколотая, – добавил он непосредственно в адрес Галины.

Гуров попытался «договориться», но дедок был непреклонен. Видимо, неутомимая защитница животных «достала» циркачей не на шутку. После непродолжительных препирательств Льву и Лене разрешено было пройти внутрь, а девушку оставили на свежем воздухе ждать результатов «проверки».

– Ты там ворон не считай, – напутствовала она журналиста. – Смотри в оба!

Прямо от двери вел узкий коридор, образованный уходящими ввысь рядами кресел. Пройдя его, Гуров через невысокий бордюр шагнул на арену. На ее противоположной стороне виднелась бархатная кулиса, из-за которой на манеж выходили артисты, и он, пройдя по радиусу цирковой круг, решительно отодвинул тяжелую портьеру. Верный Леня двигался след в след.

– А вы по какому вопросу? – семена за ними, приставал дедок. – Сейчас из артистов-то и нет никого. Почти. Еще даже репетировать не начинали. Только животных выгуливают. Слышите, рычит? Это Фимка, медведь. И начальства тоже никого нет, как назло. Дрыхнут до сих пор. А вы по какому вопросу?

– Я же сказал, по личному, – ответил Гуров. – Где этот Шутов ваш, дрессировщик? Могу я с ним поговорить?

– Геннадий Викторович? Да тут где-то. Может, в вольере с Антохой. Это Антоха медведя сейчас выгуливает. Да чего ж это он ревет-то так?

Действительно, звериный рык, едва слышный возле арены, по мере того как Гуров и его сопровождающие проходили внутренние помещения, становился все громче. Медведь не просто рычал, а причитал «с выражением», и в голосе его было столько тоски и печали, словно это безутешная мать плачет над могилой единственного сына.

– Чего у них там? – беспокойно говорил дедок, прибавив шагу и, казалось, даже позабыв о неприятных гостях. – Случилось чего, что ли?

Гурову эта звериная песнь тоже показалась странной, и, невольно вспомнив опасения Галины, он подумал, что, возможно, они не так уж безосновательны. Понимая, что их провожатый лучше знает дорогу к вольерам, он замедлил шаг, пропустив вперед озабоченного деда.

Умело лавируя между деревянными ящиками, клетками и сундуками, которыми сплошь был уставлен и без того тесный проход, дедок вскоре вывел их в еще один небольшой коридорчик, выходящий на задний двор цирка. Быстро преодолев короткое расстояние до занавешенного брезентом выхода, он отвел в сторону эту своеобразную дверь и замер на месте. Казалось, вместе со способностью двигаться дед потерял и дар речи, и Гуров поспешил подойти поближе, чтобы узнать, что же вызвало такую реакцию.

В центре небольшого, огороженного сеткой пространства, где выгуливали животных, лежал человек. Горло его представляло собой одну сплошную кровавую рану. Рядом на задних лапах сидел медведь в наморднике и ошейнике с коротким поводком, валявшимся сейчас на земле. «Рыдая» в голос, медведь то и дело проводил лапой по истерзанной плоти, длинными когтями еще больше терзая ее и разрывая остатки сухожилий.

Над этой скорбной парой возвышался третий – богатырского роста и сложения мужчина с угольно-черными волосами и роскошными бакенбардами. Над верхней губой мужчины красовались не менее роскошные длинные усы, которые в данный момент уныло свисали вниз, как бы подчеркивая общий трагизм ситуации.

– Фимка... Фимка, ты чего это? – наконец обрел дар речи дедок. – Ты сдурел, что ли? Фимка...

Но медведь не реагировал на свое имя, продолжая «плакать» и теревить окровавленное горло лежащего навзничь человека. Шерсть на лапе пропиталась кровью, и казалось, что она – часть плоти, вырванной из этого горла.

– Фимка... – снова ошалело повторил дедок. – Геннадий Викторович, как же так?

– А вот так вот, дядя Федя, – трагически произнес чернявый усач. – Вот оно как... Видишь? – Он сокрушенно развел руками, и по щеке его скатилась слеза.

Деликатно обойдя все еще стоявшего в проходе деда, Гуров вошел в вольер.

Медведь тут же сменил скорбные интонации на агрессивные и, встав на четыре лапы, бросился в его сторону.

– Фимка, Фимка, ты чего! – закричал усач, бросаясь наперерез. – А ну, сидеть! Сидеть!

Он успел схватиться за поводок, волочившийся по земле, и резко дернул его на себя. Медведь, остановленный на полпути, снова взвыл, теперь уже, как показалось Гурову, от досады.

– Это кто? Это что такое? – сердито говорил между тем усач. – Дядя Федя! Почему в вольере посторонние?

Расстроенный дядя Федя недоуменно взглянул на Гурова, будто силясь припомнить, что это за человек и как он здесь оказался, потом произнес:

– А это... Это из полиции. Московский чин. На ревизию к нам приехал.

– Что?! Что значит из полиции? Кто разрешил? Кто пустил? Дядя Федя, ты... Ты охренел?! Последние мозги пропил?!

– А что я мог? – все еще не в силах выйти из транса и оторвать взгляд от тела, распростертого на земле, ответил дедок. – Он же мент. То бишь полицейский.

– Дядя Федя прав, – вступил в разговор Гуров. – Я не просто мент, я – оперуполномоченный по особо важным делам, и препятствовать мне в расследовании этих дел не рекомендую. А вы, если не ошибаюсь, знаменитый дрессировщик тигров, Геннадий Шутов?

– Я? Ну, то есть... да. Я – Шутов. А какое, собственно... Что вы собрались здесь расследовать?

– Угадайте с трех раз, – усмехнулся Лев, кивнув на труп.

– Ах, это... Но вы... вы что, заранее знали, что медведь порвет нашего сотрудника? Я сам обнаружил это только минуту назад. Это просто невозможно. Невозможно в принципе. Заранее вы не могли знать. Зачем вы пришли сюда?! – Почти выкрикнул Шутов.

– Да, тут вы правы, – кивнул Гуров, – заранее я ничего такого не только не знал, а даже не мог предположить. Но пришли мы сюда с молодым коллегой именно для того, чтобы побеседовать с вами. И надо предполагать, что беседа окажется гораздо интереснее, чем мы рассчитывали.

– О чем тут беседовать? – немного поубавив пыл, проговорил Шутов. – Все и без бесед очевидно. Эх, Фимка, Фимка! – горестно добавил он, взглянув на медведя. – А ведь способный был парень. Как думаешь, дядя Федя, Чапай теперь усыпить заставит?

– Само собой.

Дедок постепенно приходил в себя и уже нашел в себе силы войти в вольер. Но подходить близко к истерзанному мужчине, который, по всей видимости, и был тем самым Антохой, выгуливающим медведя, он все еще не решался. Тем не менее так же, как и Шутов, на «виновника» этой трагедии, самого Фимку, смотрел скорее с сочувствием, чем с негодованием.

Тем временем Гуров достал мобильник и, набрав номер, произнес в трубку:

– Алексей? Уже на работе? Почему-то меня это не удивляет. Что ж, пляши. Твой Юра как в воду глядел. В каком смысле? От его сестры, девушки с очень активной жизненной позицией, пришел сигнал по поводу неполадок в гастролирующем у вас цирке, и я решил этот сигнал проверить. И что ты думаешь? Приезжаю, а здесь – труп. Ни больше ни меньше. А? Да что ты, я и сам в полном изумлении. Как подгадали просто. Сама и спланировала? Да нет, это навряд ли, в ее сигнале об убийстве речь не шла. Так что, пригнешь группу? Добро. Высылай, я подожду их.

– Какая девушка, какой сигнал? – с видимым волнением спросил Шутов, когда полковник закончил разговор. – Вы это о чем?

– Да там эта малахольная снова, – будто только что проснувшись, вступил в разговор дядя Федя. – Та, что все с наркотиками пристает.

– А, эта, – скривившись, будто услышал жужжание назойливой мухи, проговорил Шутов. – Так это она, что ли, вас... Вот дура! Действительно малахольная, – и, смерив оценивающим взглядом Гурова, добавил: – Так вы, значит, пришли по ее заданию.

– Скорее, из личной любознательности, – поправил Гуров. – Я получил интересную информацию, и мне захотелось ее проверить.

– Информацию? – презрительно усмехнулся Шутов. – Это о том, что я тигров наркотой пичкаю? Это – информация? Вы серьезно?

– А почему нет?

– Почему? Почему?! – Дрессировщик просто кипел от возмущения. – Вот вы работаете в ментовке... ну, то есть в полиции. Вы видели когда-нибудь обдолбанного наркомана?

– И даже не один раз.

– Ну вот. Как, по-вашему, способен такой человек на адекватные действия? Сможет он выполнять команды, работать на сцене? Да вообще просто перейти из точки «А» в точку «В» и не упасть по дороге? В трех соснах не заблудиться? Сможет? Черта с два! Так вот, можете не сомневаться – с животными все точно так же. Как я смогу репетировать с ними номер, если они не будут ничего соображать и в глазах у них будет двоиться? А дура эта, если сама не соображает ни черта, пускай и не лезет туда, где ничего не понимает. Сама она наркоманка. Нормальный человек никогда такой бред нести не будет.

Во время пламенной речи Шутова медведь, которого он держал за ошейник, вновь агрессивно зарычал и рванул к Гурову. Казалось, ему передалось раздражение дрессировщика.

– Фимка! А ну, цыц! – сердито окликнул тот, дернув зверя к себе. – Сиди на месте.

– Значит, вы утверждаете, что во время дрессировок не использовали запрещенные препараты? – спросил Гуров.

– Разумеется, нет! – с чувством воскликнул Шутов.

– Тогда вы, наверное, не будете возражать, если оперативники, которые сейчас подъедут, осмотрят ваши личные вещи? Вы живете в фургоне? Неподалеку я видел несколько штук. Там квартируете?

– Да, но... с какой стати? С чего вдруг вы собрались меня обыскивать? – заметно заволновался Шутов.

– Ну, хотя бы потому, что вы – один из наиболее вероятных подозреваемых, – сказал Гуров. – Здесь, в вольере, находится труп человека, а рядом с этим трупом находились вы. И больше никого.

– То есть как это, никого... Вы на что намекаете? – вновь начал входить в раж дрессировщик. – Мало того, что эта малахольная наркотики мне приписывает, так вы еще и убийство на меня хотите повесить? Вы что, слепой? Антона задрал медведь, это даже ежу понятно. Откройте глаза! Вы видите, какая рана? Когда я пришел, он был уже мертв.

– В самом деле? Медведь? – пристально посмотрел на Шутова Лев. – А почему же сейчас этот медведь ведет себя совершенно спокойно? На вас, например, он не кидается. Даже, можно сказать, боится. Он что, имел какие-то личные претензии именно к этому Антону?

– Я его претензий не знаю, – угрюмо проговорил Шутов. – Зверь, он и есть зверь. Сейчас спокойный, через минуту агрессивный. Они все такие. Никогда не знаешь, когда надумают цапнуть. Он вот и на вас, например, кидается. Если что случится, тоже скажете, что я виноват?

На этот аргумент полковнику возразить было нечего. Да и окровавленная лапа зверя говорила сама за себя. И все-таки чувствовалась в ситуации какая-то недоговоренность. Слишком уж быстрым был переход от ярости к спокойствию. Не каждый человек способен так быстро взять себя в руки, а тут – зверь, в «культурном арсенале» которого – лишь инстинкты.

Если убитый выгуливал его, значит, медведь хорошо знал этого Антоху и был с ним в более-менее мирных отношениях. Иначе о каких прогулках могла бы идти речь? И тем не менее что-то настолько взбесило зверя, что он набросился на своего провожатого. Набросился, остервенел, разорвал горло и тут же сел рядом и начал «плакать». А когда подошел Шутов, послушно стал исполнять команды и даже героически подавил в себе новый приступ агрессии, теперь уже по отношению к Гурову...

Что-то здесь не складывалось.

Кроме того, полковника смущал чересчур уж локальный «характер повреждений». Зверь был в наморднике, а значит, мог действовать только лапами, и, глядя на огромные когти, Гуров не сомневался, что, если бы он дал им волю, результаты этого действия оказались бы гораздо более глобальными.

«Как это так аккуратненько у него получилось? – подумал он, в очередной раз внимательно взглянув на труп. – Шею разодрал и успокоился. И запах крови не возбудил его, и даже только-только начатый процесс не завлек».

Тем временем Шутов и дядя Федя о чем-то озабоченно совещались между собой.

– Лучше будет, если ему скажешь ты, – внушал дрессировщик. – Ты у него на хорошем счету, он тебя любит. А если я сейчас... Если я после того случая еще и про Фимку ему сообщу, так он меня вообще... вообще из труппы к чертям выкинет.

– Так ты же тут ни при чем, – отвечал дядя Федя, явно стараясь отделаться от неприятного «дипломатического поручения». – Просто скажешь ему, и все. А я-то чего буду? Я – человек маленький. – Эй, эй, ты чего?! – вдруг возмущенно воскликнул он. – А ну-ка, брось! Кто разрешил? Это частная территория.

В то время, как циркачи выясняли отношения, тихоня Леня извлек висевший у него на шее и незаметный под курткой фотоаппарат и теперь активно нажимал кнопки, делая кадр за кадром.

– Да, парень, ты бы притормозил, – хмуро взглянул на него Шутов. – Тебе здесь даже находиться нельзя, не то что снимать. Ты-то ведь не из полиции, как я понял.

– Он – народный дружинник, – вступился за журналиста Гуров.

Однако нового выяснения отношений не последовало, поскольку в самом начале дискуссии прервали появившиеся оперативники. Несколько человек в штатском вошли в вольер, а из коридора следом за ними так и норовили прорваться любопытные. По-видимому, новость уже не была секретом для цирковой труппы.

– Проходим, проходим, граждане! – заслоняя собой дверной проем, говорил высокий плечистый парень, прибывший с опергруппой. – Здесь посторонним находиться нельзя, ведутся оперативные мероприятия.

Тем временем другой оперативник, молодой мужчина с внимательными серыми глазами, подошел к стоящим возле трупа и, коротко представившись: «Майор Щеглов», спросил:

– Кто первым обнаружил тело?

Уяснив для себя последовательность событий и разобравшись с тем, кого нужно опрашивать, а кто и сам может кое-кого допросить, Щеглов позвонил одному из своих коллег и поручил ему дядю Федю. Сам же занялся Шутовым, но перед этим предупредительно обратился к Гурову:

– Если вы хотите присоединиться, милости просим. Хотя Крылов говорил, что у вас и своих дел хватает.

– Да уж, – усмехнулся Лев. – Чего-чего, а этого добра у меня всегда навалом. Хотя кое с кем переговорить я бы, пожалуй, не отказался. Геннадий Викторович, не подскажите, что это за Чапай такой, которого вы здесь недавно упоминали? Еще говорили, что он может заставить медведя уснуть.

– Это «главный» наш, – насупившись, проговорил Шутов. – Инспектор манежа. Крабовский Василий Иванович.

– Вот оно что. Василий Иванович, значит. А где я могу отыскать его?

– Да здесь где-нибудь, наверное, неподалеку. Думаю, ему уже доложили о происшествии.

– Я могу послать кого-нибудь из ребят, чтобы нашли его, – предложил Щеглов.

– Буду весьма признателен, – кивнул Гуров.

Глава 2

Вскоре после прибытия оперативников в вольере, где выгуливали животных, воцарилась деловая и весьма нехарактерная для этого места атмосфера.

Медведя Фимку увели, и вместо него на небольшом пространстве теперь хозяйничали двуногие существа. Возле расprostертого тела суеился молодой парень с фотоаппаратом, чем-то похожий на Леню, а по углам на принесенных откуда-то разношерстных стульях сидели оперативники и опрашивали работников цирка.

В одном углу примостился и Гуров. Напротив него восседал крупный мужчина с орлиным взглядом и осанкой патриция. Старый обшарпанный стул под ним казался почти королевским тронem.

– Если я правильно понял, трагедия произошла во время выгула животного, – говорил полковник. – Кем работал в цирке погибший?

– Антон? В штатном расписании он числился как специалист по уходу за животными, – отвечал Крабовский. – Кормление, выгул, гигиена. Впрочем, Антон свои белые ручки, как говорится, не пачкал. Погулять, подготовить к представлению, это – да, это он мог. Но кормить и убирать, я извиняюсь, экскременты, это он оставлял тем, кто попроще.

– А Антон был важным человеком?

– Как вам сказать? Он давно работает у нас, человек, как говорится, универсальный. Может и на подхват к униформе выйти, и даже на манеже поработать в репризах. Экстренные ситуации везде случаются, сами понимаете. Никто от этого не застрахован. Клоун... заболел, или животные капризничают. Мало ли что может быть. А зритель на представление пришел, ему на пустую арену любоваться не хочется, не за те деньги платил. Вот и приходится иногда артистов, так сказать, подстраховывать. Кто давно работает, они уже специфику знают, им такое дело доверить можно. Ну а новички, те, конечно, только с животными. Накормить, прибрать – в этом духе.

– То есть Антон не только следил за животными, но мог выйти и на арену как артист?

– Да.

– Даже в номере с тиграми?

– Нет, что вы! Я не имел в виду, что он работал как дрессировщик. Клоунов подменить, если что-то... не задалось, или униформе помочь, здесь – да, здесь можно было его поставить. А дрессировщики – это совсем отдельная специальность. Они и учатся несколько лет, и животных подолгу к себе приучают, и номера репетируют. Нет, на дрессировщика Антоха, конечно, не тянул.

– А вообще с животными какие были у него взаимоотношения? Случалось, что на него бросались?

– Ни разу не припомню. За все время, что он работает у нас, – ни единого случая. На дрессировщиков гораздо больше бросаются. Если, например, номер репетировать не хотят или... не нравится что-то.

Пауза и изменившееся выражение лица Крабовского сразу вызвали в памяти полковника претензии Галины. Догадавшись, что именно может «не нравиться» животным во время репетиций, он поинтересовался:

– А с чем это связано, то, что звери бросаются на дрессировщиков? Они используют какие-то жесткие методы?

– Ну... как вам сказать? – тянул время Крабовский, по-видимому, формулируя в уме подходящий «дипломатический» ответ. – Они – дрессировщики, им видней, какие методы использовать. Не думаю, что связано с этим. Зверь, он и есть зверь. В голову к нему не зале-

зешь. Сейчас вроде все хорошо, все нравится, а через минуту... Кто их поймет? Вот и Фимка. Он ведь вообще не агрессивный у нас. Даже странно.

– Я слышал, что его теперь усыпят. Это действительно так?

– Не знаю. – Крабовский был в явном замешательстве, похоже, ему и самому было жалко медведя. – Пока на «карантине» посидит в клетке, а там... посмотрим.

– Вы сказали, что Антон мог выйти «на подхват к униформе», – решил сменить тему Гуров. – Я, признаюсь, не специалист в цирковом деле и не совсем понял, что это означает.

– Помочь «униформе»? – Крабовский взглянул с удивлением, будто и предположить не мог, что на свете существуют люди, не знающие таких элементарных вещей. – Ну как же. Ребята, которые на манеже работают во время номеров. Подают реквизит, меняют декорации, снаряды для гимнастов ставят. Они всегда одеты одинаково и неприметно, чтобы внимание зрителей не отвлекать от основного действия.

– Одеты в униформу?

– Именно. Поэтому так и называют.

– Вот оно что. Значит, Антон в любой момент мог выйти либо на замену артистам, либо «на подхват» к униформистам. То есть отношения с коллегами у него были хорошие?

– Само собой. Если плохие отношения, лучше сразу уходить. Цирк – это как единый организм, если одно что-то заболело, страдает весь организм. У нас ведь здесь в основном семьи. Есть даже династии. Акробаты Гавриловы, например, или Рита Стрункина с матерью, они с собачками работают. Так вот, если какие-то свары, «внутренние конфликты», так сказать, иногда приходится даже номера отменять. А как же? Иначе нельзя. Как они на манеж выйдут, если до этого все между собой перегрызлись? Номер не получится. Поэтому отношения мы всегда стараемся поддерживать нормальные. Иначе цирк можно закрывать.

– Антон тоже ездил с семьей?

– Нет, он один. Он да Геннадий Викторович наш. Никак себе подругу жизни не подберет, слишком уж знаменит, нет достойных, – презрительно скривился Крабовский. – Вот и ходят парой. Гена Зинке, поварихе нашей, мозги компостирует, а Антоша к этой самой Рите, дрессировщице, навевывается. Навевывался, точнее, – поправился Крабовский, мельком взглянув на труп. – Да только не много толку было от этих свиданий. Как гастролы – что тот, что этот – ни одной юбки не пропустят.

– Значит, они были друзьями? – наострил уши Лев.

– Как вам сказать? Может быть, и были. Только дружба эта такая... не сказать, чтобы очень верная. Когда на гастролях, тогда друзья. Выпить вместе, девчонок посни... Ну, то есть я хотел сказать, что на гастролях они больше общаются. А когда, как говорится, не сезон, по моему, и не перезваниваются даже.

– Но в сезон, если я правильно понял, они вполне между собой ладили. Что ж, это и понятно, оба свободны, оба в активном возрасте...

– Вот именно... в активном, – с досадой фыркнул Крабовский. – Где надо и где не надо, активность свою проявляют. Антона я, конечно, действительно мог выпустить на замену, но временами его хоть самого подменяй. Так наливается, что... Ну, то есть, я хотел сказать, внутри коллектива разные бывают проблемы, – вновь дипломатично поправился Крабовский. – С семьями, конечно, гораздо удобнее работать. Там уж они сами следят. Пьянки эти или походы разные «налево» – это редкость. А эти двое... просто постоянная головная боль...

Озабоченное выражение лица Чапая со всей очевидностью доказывало, что говорит он искренне.

– Неужели Шутов тоже выпивает? – удивленно поднял брови Гуров. – Я слышал, что животные не любят запах перегара.

– Наверное, – цинично усмехнулся Крабовский. – Только их не больно-то спрашивают, что они там любят, а что нет.

– А если набросятся? Хищники все-таки. Не боялся?

– Не знаю... Наверное, не боялся.

Отсутствующее выражение, с которым Крабовский произносил эти слова, вновь заставило полковника подумать, что процесс дрессировки проходил не без помощи «вспомогательных средств». Даже из краткой беседы с инспектором манежа можно было понять, что Шутов не особенно церемонится со своими подопечными.

– Так, значит, Антон и Геннадий были друзьями и даже, если я правильно понял, иногда вместе выпивали, – еще раз уточнил Лев.

– Ну это... это наши внутренние проблемы, – дипломатично ушел от ответа Крабовский.

– Да, разумеется. Я просто хотел сказать, что явной вражды между ними не было, и предполагать, что Геннадий мог как-то... поучаствовать в смерти Антона, по-видимому, бессмысленно?

– То есть что значит «поучаствовать»? – изумленно вытаращил глаза Чапай. – Антона ведь изувечил Фимка. При чем тут вообще Гена?

– Когда мы вошли сюда, он находился рядом с трупом. Он и медведь.

– Да, но... По-моему, все здесь совершенно очевидно. Вы посмотрите на рану, это же... совершенно очевидно.

По реакции инспектора манежа можно было понять, что мысль о причастности Шутова действительно не приходила ему в голову. Он растерянно переводил глаза с дрессировщика на труп и обратно, по-видимому, пытаясь представить себе возможное «участие» Шутова в трагедии, но ему это явно не удавалось.

– И потом, на нем остались бы следы, – как бы сообразив что-то, добавил он. – Вы посмотрите, у Антона ведь вся шея разорвана. Если бы здесь был замешан Гена, он бы сейчас весь был перепачкан кровью. А кровь была только на лапе у Фимки.

«Причем только на одной лапе, – вдруг осенило Гурова. – Интересное, однако же, кино. Получается, этот медведь «одной левой» разорвал своему провожатому горло, да и успокоился на этом? Понятно, что мертвых животные обычно не трогают, но если зверь действительно был разъярен, он наверняка впился бы всеми четырьмя. Ярость, она и есть ярость, тут уж некогда рассуждать, мертвый или живой. Но все остальные лапы зверя испачканы не были. А если медведь действовал, так сказать, «по остаточному принципу», то кто же тогда был настоящим убийцей? Ведь на Шутове тоже ни пятнышка. Чист, как хрусталь».

Подойдя к парню, который трудился возле трупа, Лев спросил:

– Какие предположения?

– Да вроде бы все очевидно, – ответил тот. – На шее живого места нет, кровопотеря огромная. Двух мнений просто не может быть.

– Медведь?

– Разумеется. Конечно, с телом еще должны поработать эксперты в лаборатории, но не думаю, что они смогут добавить что-то существенное в плане причин смерти.

– Даже удивительно, как это он умудрился одной лапой столько дел натворить, – заметил Лев.

– А вы видели эту лапу? С такими когтищами и одной хватит. Много ли надо тщедушному двуногому? Ни шерсти длинной, ни панциря. Никакой защиты, в общем. Вот она, шея – рви, не хочу.

– Да, печально.

Отойдя от парня, по-видимому, твердо уверенного в однозначности своего заключения, Гуров направился к занавешенному брезентом входу. Возле него все это время продолжали толпиться любопытные, несмотря на то что карауливший этот вход оперативник то и дело призывал соблюдать дисциплину и не мешать проведению оперативных мероприятий.

Заметив, что к входу идет отпущенный восвояси дядя Федя, Гуров замедлил шаг и, дождавшись его, по-свойски поинтересовался:

– Что такой грустный, дядя Федя? Вопросами замучили?

– А с чего веселиться-то? – угрюмо отозвался дедок. – Веселого-то, кажись, немного.

– Что верно, то верно. Идем, откроешь мне. Там дверь-то входная закрыта, наверное?

– Само собой. До представления далеко еще, а посторонним всяким, – недоброжелательно покосился дед на Гурова, – посторонним ни к чему здесь шлаться.

– Ну, я-то все-таки не совсем посторонний, – посчитал нужным отметить полковник. – Я, некоторым образом, причастен к органам дознания. Кстати, хотел уточнить, кто еще, кроме Геннадия Шутова, находился сегодня утром в цирке? Сейчас-то, похоже, собрались все, но когда мы пришли, здесь, кажется, было не так многолюдно?

– Да, утром почти никого не было. Это все из-за Гены. Когда он со своими живоглотами репетирует, все стараются держаться подальше. Только те, кто участвует в номере. То есть он сам и два ассистента.

– Ассистенты приходят вместе с ним?

– Иногда вместе, иногда попозже. Сегодня он вроде бы один заходил, – слегка задумавшись, проговорил дядя Федя. – Да, точно. Один. Первым Антоха пришел, потом еще парочка наших «животноводов» подтянулась.

– Это те, кто за животными ухаживают?

– Да, они. Потом Гена пришел. Вот и все, кажется. После него уже вы заявились с этой малахольной. А дальше сами все знаете.

– Значит, из артистов сегодня утром в цирке никого не было?

– Нет, никого. Рано, да и Гена репетирует. Все уж знают, если утром у него «занятия», значит, можно лишний часок поспать.

– Понятно.

За разговором Гуров и дядя Федя дошли до входной двери, и дедок в телогрейке отомкнул замок.

– А ты сам-то кем здесь числишься, дядя Федя? – лукаво прищурившись, поинтересовался Гуров. – Дрессировщик или акробат?

– Клоун, – угрюмо бросил дед. – Сторож я здесь. Сторож, понятно? Вход караулю, за всякими празднующимися присматриваю. Всего хорошего, гражданин начальник. – С этими словами дядя Федя в сердцах хлопнул дверью.

А к Гурову на всех парах уже неслась истомившаяся в ожидании Галина.

– Лев Иванович! Да что же это такое делается?! – вопила она. – Мало того, что меня не пустили, они еще и Леню выгнали. Беспредельщики просто! Управы на них нет! Вот теперь-то я уж точно в газету напишу.

– Успокойтесь, Галина, – попытался остановить эту лавину эмоций Лев. – В цирке произошло ЧП, Леня, наверное, уже рассказал вам.

– Да, конечно. На самом интересном месте его выставили. Только полиция приехала, и – на тебе. Даже пофотографировать не дали.

– На месте преступления, Галина, могут фотографировать только оперативники. Специальная группа, собирающая предварительные материалы для следствия. Для всех остальных это – закрытая информация.

– Но не для нас же! – искренне возмутилась девушка. – Мы-то, наоборот... мы только помочь хотим.

– Да, разумеется, – чуть улыбнувшись, ответил Гуров. – Но таковы правила, и мы не имеем права их нарушать. Ни я, ни ребята из опергруппы, ни кто бы то ни было еще, кто находится, как говорится, при исполнении. Кроме того, вы сами только что сказали, что хотите написать обо всем этом в газету, а подобная информация не подлежит разглашению.

– А как же про это не писать?! Обязательно нужно писать! Вот до чего довели животных! Уже не выдерживают! Не хватает сил! Уже начинают бросаться на своих мучителей. Конечно, нужно об этом писать. Чтобы все знали! Измученное животное отомстило извергу! Вот!

– Хорошо, напишите, – уже слегка утомленный потоками этой неумной энергетики, ответил Гуров. – У меня будет только одна просьба – сделайте это, когда закончится следствие. Дайте полиции немного времени, чтобы разобраться в ситуации. Тогда и причины трагедии будут для всех яснее, да и с использованием запрещенных препаратов все выяснится.

– Да, кстати! О главном-то чуть не забыла. Вы спрашивали у них про наркотики?

– Сам я не успел, но не сомневаюсь, что в ходе следствия этот вопрос обязательно будут прорабатывать. Думаю, для вас это даже лучше. Если официально выяснится, что в цирке дрессировщики действительно применяли наркотики, то, согласитесь, ваши слова или статья в газете будут иметь гораздо больший вес, чем основанные только на догадках. А с другой стороны, если следственные органы установят, что ничего такого не было, то и вас это уберезет от очень неприятной ситуации. Кому же понравится, если его выступление в газете назовут «уткой», да еще и докажут это?

– Да, – впервые за все время разговора как-то остановилась и призадумалась Галина. – Это, пожалуй, будет... не то.

– Конечно! Нужно лишь немного терпения, и совсем скоро вы сможете не просто напечатать в газете статью, а сообщить читателям вполне достоверную и аргументированную информацию.

– Но ведь к тому времени вы, наверное, уже уедете, – грустно проговорила Галина. – Кто же нам ее даст, эту аргументированную информацию? Нас и так отовсюду гоняют, сами видели. Им удобнее, когда факты издевательств над животными замалчиваются.

– Об этом не беспокойтесь. Я специально поговорю с коллегами, чтобы после того, как будет закрыто дело, с вами поделились выводами и результатами. Не думаю, что в этом деле будут затронуты вопросы государственной важности и ему присвоят гриф «секретно», – улыбнулся Лев, – так что коллеги, скорее всего, не откажутся помочь. В конце концов, если речь действительно идет об издевательствах, полиция только заинтересована в том, чтобы общество об этом знало. Я расскажу о вас и о вашей благородной миссии, кроме того, у вас ведь в полиции работает брат. Думаю, и он в данном случае может сыграть не последнюю роль.

– Да уж, сыграет он, дожидайся, – угрюмо пробурчала Галина. – Я его и с вами-то поговорить еле упростила.

– Ничего. Тут уж я сам попрошу, так что, думаю, не откажут.

Обнадежив равнодушную девушку, Гуров отправился в управление.

– Добрый день, Лев Иванович! – приветствовал его Крылов. – Сегодня, кажется, припозднились?

– Да уж, с вашими общественными активистами не соскучишься.

– Народ у нас, конечно, деятельный, но так, чтобы сразу на труп выводили, это, пожалуй, редкость. Не иначе, ваше присутствие сыграло роль. На ловца, как говорится, и зверь...

– Может быть, – усмехнулся Гуров.

– Что там произошло, если не секрет? Я группу выслал, но сам, честно говоря, пока как в вакууме. Даже толком не представляю, по какому поводу ребят побеспокоил.

– Труп – это в любом случае повод. К тому же там, на мой взгляд, и ситуация довольно интересная. Неоднозначная, так сказать.

В двух словах объяснив Крылову суть происшествия, Гуров смог, наконец, сосредоточиться на том деле, из-за которого, собственно, и приехал в Самару. «Кажется, мечты о том, чтобы уехать пораньше, так и останутся мечтами», – с грустью думал он, углубившись в бумаги.

А на следующее утро его ожидал сюрприз.

– Я же говорил, Лев Иванович, что на вас преступники идут, как зверь на ловца, – улыбаясь, встретил его Крылов.

– То есть? – не понимая, о чем идет речь, спросил полковник.

– А то и есть. Видел сейчас Диму, Щеглова Дмитрия, которого вчера по вашему вызову в цирк посылал.

– И что, есть новости?

– Еще какие! Если не ошибаюсь, вы говорили, что этот потерпевший погиб в результате нападения зверя? Горло было разорвано, правильно?

– Да, именно так.

– В том-то и дело, что не так. Эксперты установили, что смерть наступила от асфиксии. То есть сначала его задушили, а шею расковыряли уже после, фактически на трупе.

– Вот оно как! Хм, интересно. То-то я смотрю... Ты знаешь, Леха, мне эта версия с медведем с самого начала не очень нравилась. Милый, добродушный мишка, ну не тянул он на разъяренного вампира. Мы когда в этот вольер вошли, он над этим Антохой рыдал, как мать над любимым сыном. Что же получается, – сначала он его задрал, а потом осознал и начал каяться? Странновато, согласись. Да и лапа эта... У него всего только одна лапа была кровью испачкана. Тоже странно. Если зверь кидается на кого-то, тем более в ярости, он кидается всем телом, а тут – только лапку замочил.

– Да, странно. Но теперь все это, похоже, разъяснилось. Если Ирмелина задушили, значит, медведь тут ни при чем.

– Ирмелина?

– Да, Антон Ирмелин, так звали потерпевшего. В цирке он работал с животными, кормил, ухаживал. Даже одно это уже могло бы навести на правильную мысль. С какой стати звери будут бросаться на того, от кого получают ежедневное пропитание? Дима уже распорядился, Шутова арестовали. Теперь будет проводить повторные допросы, планирует вызывать этих артистов уже сюда. Говорит, вчера в этом вольере на всю оставшуюся жизнь ароматов нанюхался.

– Да, «парфюм» у них там своеобразный, – улыбнулся Гуров. – Так, значит, твой Дима подозревает Шутова?

– А кого же еще? Ведь, кроме него и медведя, рядом с трупом никого не было, как утверждают очевидцы. А очевидцы у нас надежные, доверять им можно, – взглянув на Гурова, добавил Крылов.

– Спасибо за доверие, – отозвался тот.

– В общем-то, думаю, все довольно очевидно, – продолжал Алексей. – Сначала этот Шутов придушил парня, а потом как-то заставил медведя повредить ему горло. Может быть, сам начал, а зверь уже довел дело до полного, так сказать, безобразия.

– Вообще-то, насколько я знаю, мертвых животные не трогают.

– Да, я тоже об этом слышал, но многое зависит от конкретной ситуации. К тому же Шутов ведь дрессировщик, ему ли не знать, как заставить зверя сделать то, что нужно. Вы ведь сами говорили, что он ковырялся лапой в этой разорванной шее даже в тот момент, когда вы вошли в вольер.

– Так и было.

– Вполне возможно, вы со сторожем застали Шутова, так сказать, в процессе. Визит ваш, как я понимаю, был спонтанным. Дрессировщик не предполагал, что в этот ранний час в вольере окажется еще кто-то. Выполнив все, что запланировал, он, по всей видимости, намеревался просто уйти и потом, вместе со всеми, поразиться этому ужасному происшествию. Но тут «не вовремя» явились вы, и это заставило его немного изменить планы и сделать вид, что именно он и «обнаружил» труп первым.

– Что ж, выглядит логично, – согласился Гуров. – Кроме прочего, такая схема объясняет, почему на одежде Шутова не было следов крови. Если он задушил Ирмелина, а не убил, ска-

жем, ножом... в общем, если смерть наступила от асфиксии, значит, пачкаться Шутову было не обязательно. Точнее – не обо что.

– Неясности пока с мотивом; кажется, особых конфликтов между ними не было, – проговорил Крылов. – Но, с другой стороны, допросы проводились, так сказать, наспех, никто особенно во внутренние взаимоотношения не вникал.

– Причина смерти казалась очевидной?

– Конечно. Разорванная шея, и рядом – зверь с огромными когтями. Очевиднее некуда.

– Видимо, на это и рассчитывал Шутов.

– Несомненно.

Неожиданный поворот дела заинтересовал Гурова. Несмотря на то что и в этот день работы у него было немало, вечером он попросил Крылова принести ему протоколы повторных допросов, которые, в связи с новыми открывшимися обстоятельствами, проводил Щеглов.

– Любопытно узнать, как отреагировал этот Шутов, – объяснил он свою просьбу. – Да и по поводу мотива тоже остались открытые вопросы. Со своими делами я практически закончил, надеюсь, завтра смогу уехать. Хотя бы вечерним поездом. Но и по цирку не хотелось бы оставлять «недоговоренности». Все-таки я тоже некоторым образом здесь поучаствовал.

– Вы не только поучаствовали, вы, можно сказать, явились главным инициатором. Локомотивом, так сказать, всего процесса, – улыбнулся Крылов. – Конечно, я постараюсь выполнить вашу просьбу. В конце концов, мы – одна команда. Сейчас узнаю у Димы, если он уже закончил, попрошу у него дело до завтра.

Крылов вышел из кабинета и минут через двадцать вернулся с небольшой папкой.

– Дима говорит, что с делом все ясно. Правда, сам Шутов упирается всеми четырьмя и не признается ни в какую, но допросы свидетелей яснее ясного показывают, что с Ирмелиным отношения у него были, мягко говоря, нестабильные. Ссорились они почти каждый день.

– Вот как? А их начальник, этот Крабовский, говорил мне, что они – самые закадычные друзья во всем цирке. Оба не женаты, оба любят «повеселиться».

– Это насчет выпивки? Да, похоже, эта «пламенная страсть» была присуща им обоим. Вероятно, и «выяснение отношений» частенько происходило в подпитии.

– Но вчера утром Шутов был абсолютно трезв, это я лично могу засвидетельствовать.

– Вполне возможно. Вчера утром был трезв, а позавчера вечером – пьян. Какое-нибудь неосторожное словечко в очередной перепалке, как говорится, «переполнило чашу» – и вот результат. Внутренние правила Шутов знает, как никто, он знал, что Ирмелин будет выгуливать медведя, и знал, что, в связи с его предполагаемой репетицией с тиграми, в этот час в цирке практически никого не будет. Обстоятельства благоприятствовали, и, чтобы спланировать преступление, Шутову даже трудиться особенно не пришлось.

– Может быть, может быть, – задумчиво проговорил Гуров.

Он взял папку и, попрощавшись с Крыловым, в первый раз за все это время вовремя уходящим домой, принялся за изучение протоколов.

В них были зафиксированы беседы с униформистами, специалистами по уходу за животными и прочими представителями обслуживающего персонала, а также с несколькими артистами цирка.

В общем и целом содержание этих бесед подтверждало версию, которую озвучил Крылов. «Ссорились», «лаялись», «выясняли отношения» – подобные фразы присутствовали практически в каждом протоколе. Но, вместе с этим, почти все говорили о том, что Шутов и Ирмелин были неразлучными друзьями.

«Интересная какая дружба, – думал Лев, просматривая протоколы. – И ругаются, и не могут жить друг без друга. Просто молодожены в медовый месяц, да и только».

Наибольший интерес у него вызвали два документа: беседа с поварихой Зиной и разговор с представительницей династии дрессировщиков собак Ритой Стрункиной. Гуров помнил, что

именно этих женщин упоминал инспектор манежа Василий Крабовский, говоря, что одна из них – пассия Шутова, а другая – Ирмелина. Благодаря более близкому общению женщины могли знать что-то такое, чего не знали другие, и протоколы их допроса полковник просмотрел очень внимательно.

Ни на минуту не забывая о подозрениях Галины и о той первопричине, которая заставила его отправиться в цирк и в итоге вывела на преступление, Гуров надеялся найти в этих документах какие-либо подтверждения либо опровержения предположений о наркотиках.

Но получить ясный ответ на этот вопрос ему так и не удалось. Большую часть бесед с обеими женщинами составлял пересказ обычных внутрицеховых сплетен. Повариха, протокол допроса которой Гуров прочитал первым, очень нехорошо отзывалась об Ирмелине, утверждая, что именно он «сбивал Гену с пути». Зина говорила, что Ирмелин постоянно подбивал Шутова на разные нехорошие вещи, соблазнял его выпивкой, «а иногда и чем похуже», и «таскал по бабам».

На вопрос о том, что же еще могло быть хуже постоянных пьянок и походов «налево», Зина сообщала, что Ирмелин – «тайный наркоман», «нюхает», курит марихуану и норовит «подсадить» на эти гадости Шутова, чтобы вдвоем было веселее «нюхать» и курить.

Шутов, как человек безвольный и не умеющий никому отказывать, все время соглашается и «клюет» на «приманки» Ирмелина, хотя в глубине души, конечно же, испытывает к подобным вещам стойкое отвращение.

«Дрессировщик тигров – слабый и безвольный человек? – с улыбкой подумал Лев, читая эти строки. – Занятно».

Среди прочего Зина упоминала недавний случай, когда «бессовестный негодяй» Ирмелин снова сбил с толку Шутова, соблазнив его выпивкой, и «безвольный» дрессировщик налился так, что на следующий день пришлось отменить его номер. Инспектор манежа, которому срочно пришлось искать замену на ключевой номер всего представления, был в ярости и угрожал, что, если такое еще раз повторится, он «отменит» самого Шутова и выгонит его вон из труппы.

Прочитав это, Гуров припомнил, как Шутов и дядя Федя препирались, выясняя, кому же из них сообщать о смерти Ирмелина. В разговоре дрессировщик как раз намекал на какой-то случай, после которого ему совсем не хотелось идти к Крабовскому с дурными вестями. По-видимому, как раз об этом инциденте и упомянула во время допроса Зина. Возможно, дело здесь действительно было лишь в обыкновенной «несвоевременной» пьянке, а возможно, за этим случаем скрывалось нечто более серьезное, содержащее в себе мотив будущего преступления или предпосылки к нему.

«На замену вышел Антон Ирмелин, который иногда выступал как артист в клоунских репризах, – читал Гуров скупые протокольные строки, – и в итоге получилось, что Ирмелин заработал деньги, а Шутов их потерял».

«Ах, вот оно что, – снова усмехнулся Лев. – Дамочку «душит жаба». Мало того, что на пьянки, гулянки и сторонних подружек уходит львиная доля тигриных гонораров, так они, оказывается, могут вообще уплыть из рук, причем не куда-нибудь, а к тому же подлому Ирмелину».

Однако на вопрос о том, мог ли Шутов, не вытерпев постоянных «соблазнений» и их плачевных последствий, прикончить своего морально неустойчивого друга, Зина ответила категорическим отрицанием. По ее словам, в отношении такого человека, «как Гена», подобные предположения просто немыслимы.

То же самое, почти слово в слово повторяя речь Зины, показала при допросе Маргарита Стрункина. Разница была лишь в том, что в ее версии главным «соблазнителем», сбивающим с истинного пути скромного специалиста по уходу за животными, выступал Шутов.

«Пьяница, наркоман и бабник», – в один голос твердили женщины, причем одна говорила это об Ирмелине, а вторая – о Шутове.

«Так или иначе, похоже, некий предварительный конфликт имел место, – рассуждал Гуров, дочитав протоколы. – Возможно, он был довольно жестким сам по себе, а возможно, явился некой «последней каплей» в ряду других подобных конфликтов, но почва для мотива здесь явно имеется. С наркотиками пока не совсем понятно. В изложении Зины все это звучит как анекдот, а Рита о них почти не упоминает. Но определенные намеки есть. Вопрос в том, насколько серьезны эти намеки. Курить марихуану – это все-таки не то же самое, что колоться «тяжелыми» препаратами и делать инъекции животным. У кого бы можно было уточнить этот деликатный момент?»

Все следующее утро Гуров провел в кабинете Крылова, а около двенадцати часов, захлопнув папку с делом, торжественно объявил:

– Финита ля комедия!

– Закончили, Лев Иванович? – улыбаясь, спросил Крылов.

– Да! Теперь, кажется, все. Против такой доказательной базы ни один аппаратчик не устоит. Даже самый высокопоставленный.

– Понятное дело. Если доказательную базу собирает ас вашего уровня, тут, я думаю, вообще никто не устоит.

– Подлизываешься? – хитро прищурился Лев.

– Восхищаюсь, – снова улыбнулся Алексей.

– Ладно уж, коньяк за мной. Начальство-то точно премию не выпишет за то, что ты тут вместе со мной до поздней ночи сидел.

– Да, это вряд ли.

– Вот и я о том. Но мы, простые труженики, взаимовыручку и взаимопомощь всегда ценим, поэтому внутри наших сплоченных рядов поощрения возможны. И даже обязательны. Сейчас узнаю насчет билетов да заодно заскочу в супермаркет, приобрету чего-нибудь «поощрительного». Нельзя ли мне, кстати, еще раз машину организовать? Конечно, в этот раз не совсем по делам еду, но...

– О чем разговор! – с готовностью отозвался Крылов. – Машина за вами закреплена на все время пребывания у нас, так что не беспокойтесь. Можете ездить, куда и когда посчитаете нужным.

С опытным водителем, хорошо знавшим город, Гуров решил задачу в два счета. Для себя приобрел билеты на ближайший поезд до Москвы, а для коллеги – бутылку вполне приличного коньяка.

– В сейф спрячь, – сказал он, выгружая на стол Крылова коньяк и палку сырокопченой колбасы, – иначе начальство конфискует. Выпьет, закусит, да тебе же еще выговор объявит.

– Понял, – заговорщицки кивнул Крылов. – Сейчас все сделаю.

– Что там с этим цирком? – поинтересовался Лев, наблюдая, как Крылов прячет в сейф «компромат». – Есть что-нибудь новое?

– Да нет, кажется, ничего особенного. Я с Димой сегодня виделся, он говорит, пока все без изменений. Дрессировщик этот вину не признает, продолжает все отрицать. Ну а других подозреваемых, понятно, нет.

– Вагончик его обыскивали?

– Да, конечно. Но, кажется, ничего особенного не нашли.

– Сестра твоего Юры уверена, что Шутов колот своим тиграм запрещенные препараты. Из этой серии ничего не обнаружили?

– Запрещенные препараты? – удивился Крылов. – Наркотики, что ли?

– Видимо, да. По крайней мере, сама девушка, кажется, уверена в этом неколебимо.

– Да нет, про наркотики разговора не было. Если бы что-то подобное нашли при обыске, наверняка было бы известно. Это ведь уже совсем другая история.

– И еще одна дополнительная статья, – заметил Гуров.

– Вот именно. Нет, про наркотики не слышал. Думаю, если бы что-то было, Дима бы сказал. Значит, не было.

– Что ж, не было, и прекрасно. У меня будет просьба. Как раз вот в связи с этой Юриной сестренкой. Я ей пообещал, не хотелось бы обманывать девушку. Человек так ратует за братьев наших меньших.

– А о чем просьба?

– Когда Дима твой дело это закончит и все обстоятельства выяснит, пускай с ней свяжется. Объяснит, что и как, представит факты, аргументированно докажет, что при дрессировке наркотики не использовались. А то она уже статью в газету собралась писать. Боюсь даже представить, что она там может насочинять. А если циркачи эти и впрямь никаких «неправильных» веществ не используют, получится, что оклеветали честных людей.

– Понятно. Хорошо, Лев Иванович, я передам Диме. Думаю, этот вопрос мы сможем решить.

– Кроме того, мы ведь, в каком-то смысле, ей даже обязаны, – чуть усмехнувшись, добавил Гуров. – Ведь это по ее инициативе я в цирк отправился. И в результате, как выяснилось, помешал преступнику вовремя смыться с места преступления. Если бы не она, мы бы до сих пор гадали, кто он, этот таинственный «душитель».

– Да, действительно, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Юрина сестренка, наверное, и сама не предполагала, какую ключевую роль ей предстояло сыграть в раскрытии убийства.

– А уж Шутов – и того меньше.

– Это точно. Не повезло парню. Так вроде бы хорошо все подгадал...

– Только не учел энтузиазм общественных активистов.

– Это точно.

Выполнив обещание, данное Галине, Гуров прошел по кабинетам, прощаясь с сотрудниками, с которыми довелось ему контактировать при работе в самарском управлении.

До поезда оставалось еще довольно много времени, и он решил прояснить для себя еще один вопрос, касающийся «циркового» дела, так неожиданно свалившегося на него в виде своеобразного «довеска» к основному расследованию. «Нужно расставить точки над i, – думал он, доставая из кармана телефон. – Наркотики – это не шутка, нельзя уезжать, не прояснив все до конца».

– Алло, Галина? Здравствуйте, – через минуту говорил он в трубку. – Это Гуров вас беспокоит, Лев Иванович.

– Ой, правда?! – как всегда эмоционально отреагировала защитница животных. – Как здорово, что вы позвонили мне! Такой важный человек...

– Хотел сообщить, что уезжаю.

– Уже? Как быстро. Жаль.

– Дело, по поводу которого я приезжал сюда, закончено, так что у меня больше нет причин задерживаться. Вашу просьбу я, как и обещал, передал коллегам. Как только расследование закончится, они свяжутся с вами и расскажут все, что удалось узнать по поводу наркотиков.

– Правда?! – В голосе девушки слышалось ликование. – Вот это класс! Прямо сами расскажут?

– Сами. И расскажут, и аргументируют, и представят факты, если таковые окажутся. Только вот окажутся ли они – это пока большой вопрос. В фургоне, где проживал Шутов, уже провели обыск, никаких «особых» препаратов не обнаружено.

– Хм... Быть такого не может. А они хорошо искали?

– Можете не сомневаться, – заверил Гуров. – Ответственно заявляю вам, что в местном полицейском управлении работают очень квалифицированные сотрудники. Настоящие профессионалы.

– Хм... Вообще-то это странно, у меня информация достоверная.

– А откуда, если не секрет, она пришла, эта достоверная информация?

– Откуда? – Галина сделала паузу, явно раздумывая, стоит ли выдавать свой конфиденциальный источник. – Ладно. Вам скажу, – наконец решилась она. – Это Жорик мне рассказал.

– Ну, если Жорик, тогда, конечно. Тогда сомневаться не приходится. А кто это, если не секрет?

– Жорик? – переспросила Галина, не замечая иронии. – Ну как же... его все знают. Он у них там распространителем билетов работает. Типа – сезонная работа. Сам-то он наш, местный. Распространителей они всегда из местных нанимают. С собой возить невыгодно, больше проедят, чем наработают. Нанимают в тех городах, где гастролируют. Это и удобнее. Местные уже все ходы-выходы знают, им билеты распространять...

– Хорошо, Галина, я понял. Значит, Жорик работает в цирке распространителем билетов. А откуда он может знать такие тонкости про работу дрессировщиков? Наркотики, уколы. Ведь его профессия, если я правильно понял, тесных контактов с артистами не предполагает.

– Хе! Это надо знать Жорика, – с усмешкой произнесла Галина. – Он у нас по «тесным контактам» главный специалист. Независимо от профессии.

– В самом деле? Что ж, это прекрасно. Если он такой большой специалист по контактам, может быть, он и меня сведет со своим «осведомителем»? До моего поезда времени еще много, как раз хватит, чтобы узнать, из-за чего весь сыр-бор разгорелся. Откуда этот Жорик узнал, что Шутов использовал при дрессировке наркотики, и почему так уверен в этой информации. Причем не только сам, но и вас, Галина, сумел убедить, а вы, в свою очередь, все местное управление на ноги подняли. Со мной во главе. Вот сколько дел натворил, а сам – в кусты.

– Да, Жорик может. Это такой диверсант... Но с информацией у него проколов не бывает, если что говорит, значит, так и есть.

– Так вот я и хотел бы узнать первоисточник этой информации. Нельзя ли мне поговорить с Жориком? Скажите ему, что я свой, что со мной можно быть откровенным.

– Хм... Ладно, я попробую. Только... хм. Ну ладно, попробую.

Результатов Гурову пришлось ждать минут двадцать, зато уж они были именно те, что надо.

– Идите прямо к цирку, он вас будет там ждать, – звучал из трубки уверенный голос Галины. – Я обо всем договорилась. Будет стоять прямо у входа, помните, дверь, в которую в тот раз заходили?

– Такое не забудешь, – с чувством проговорил Гуров.

– Ну вот. Идите прямо туда, он будет ждать. Он такой коренастый, плотненький, даже толстый, можно сказать. Волосы темные, кудрявые. Не перепутаете. Вас я ему тоже описала. Думаю, узнает.

– А телефон его мне нельзя скинуть? Во избежание нюансов, так сказать.

– Нет, свой номер он не разрешил давать. Если потеряетесь, мне звоните.

– Хорошо, как скажете, – не очень довольный таким поворотом, ответил Лев.

Взяв такси, он доехал до городской площади и, подойдя к цирковому шатру, действительно увидел там слонявшегося без дела пухлого молодого человека.

– О! Вот! – воскликнул тот, увидев полковника. – Вы – Гуров! Гуров, да? Точно! Мне Галка все точно описала.

– А ты, по-видимому, Жорик?

– Я – да. Георгий. Но для вас – просто Жора. Вы насчет наркоты хотели уточнить? Дело верное! Вот помяните мое слово – так и окажется, что он его из-за наркоты порешил.

– Кто кого?

– Ну как же, дрессировщик этот. Это ведь он того парня прикончил. Говорят, голыми руками придушил. Такое только из-за денег может быть. Из-за чего же еще?

– А я думал, из-за наркоты.

– Так я же об этом и говорю, – нимало не смутившись этим несоответствием, так же бойко продолжал Жорик. – Он ему либо не заплатил, либо, наоборот, тот ему денег вперед дал, а этот...

– Послушай, Георгий, – прервал Гуров этот невразумительный поток слов. – При обыске у дрессировщика наркотиков не обнаружили. Откуда у тебя информация, что он использовал их в процессе дрессировки?

– То есть как? – впервые за все время диалога не нашелся, что сказать, Жорик. – Как это, не обнаружили? Быть такого не может! Дело верное. Я точно говорю.

– Может или не может, но факт есть факт. Потому я и спрашиваю, кто сказал тебе про наркотики?

– А? Мне-то? – Жорик рассеянно уставился в пространство, по-видимому, соображая, стоит ли выдавать свой источник. – Ну это... как его... – невнятно бормотал он.

– Слушай сюда, Жора, – решил помочь ему определиться Лев. – Наркотики – серьезное обвинение. Если тебе кто-то «слил» непроверенную информацию, просто чтобы покрасоваться и показать свою значимость, это одно. Это мы выясним и сразу забудем. Но если дрессировщик действительно баловался запрещенными препаратами или колол животных, а ты или твой знакомый, зная это, скроете информацию от следствия, тогда...

– Почему скроем? Мы ничего не скрываем, – заторопился Жорик. – Я все, как есть, рассказал. И Галке, и вам тоже. Почему скроем?

– Это я понял, Жорик, – терпеливо внушал Гуров. – За то, что ты мне это все рассказал, я очень благодарен. Теперь я хочу узнать, кто рассказал об этом тебе.

– Мне-то? – Мне это... как его...

– Послушай, Георгий, я...

– Митя, Митя сказал, – снова торопливо проговорил Жорик, по-видимому решив, что лучше не слушать. – Митя, униформист. Он на манеже работает, постоянно возле этих циркачей крутится. Вот и услышал.

– Что услышал?

– Про наркоту.

– Что именно?

– Ну, вроде как ругались они, дрессировщик этот и Антон. Друг на друга наезжали. Тот ему – ты, мол, колешься и зверей своих тоже колешь, а этот – нет, мол, сам ты обдолбай конченный. В таком духе.

Поняв, что по главному вопросу ничего более конкретного от Жорика добиться не может, Гуров спросил:

– А этот Митя, он сейчас здесь, в цирке?

– Да он каждый день здесь, – ответил Жорик. – Я же говорю – он на манеже работает. Подай-принеси. Циркачи эти, они без униформистов как без рук. Чуть что, сразу...

– Ясно. Веди меня к этому своему Мите. Будем разбираться, кто там на кого наезжал.

Глава 3

В отличие от первого своего посещения, на сей раз Гуров застал в цирке большое оживление.

Повсюду сновали люди, на манеже одновременно репетировали акробаты, клоуны и фокусник, а в проходах за кулисами ждали своей очереди несколько приунывших лошадок пони.

Разыскать кого-то посреди этого столпотворения, казалось, было просто невозможно, но Жорик ориентировался отлично. Уверенно лавируя в толпе, он перекинулся парой фраз с какими-то людьми, и вскоре Гуров уже беседовал с худощавым светловолосым парнем, рассеянно и немного испуганно переводящим взгляд с него на Жорика и обратно.

– Не бойся, Митя, рассказывай, – подбадривал Жорик. – Это свои. Помнишь, как ты мне говорил, что этот тигриный дрессировщик с дружбаном своим ссорился? Ну вот. Нужно повторить, вот... товарищу. Важный человек, из Москвы. Тебе, может, за ценную информацию поощрение еще назначат. Не бойся.

В укромном закутке за ящиками для реквизита было относительно тихо. Шум и гвалт, царившие на манеже, почти не долетали сюда, и, используя преимущества положения, Гуров начал задавать вопросы.

– Так что же он говорил, этот тигриный дрессировщик, а, Митя? – спросил он. – Неужто так прямо, во всеуслышание про наркотики рассказывал?

– Нет, зачем рассказывать? Он не рассказывал, – медленно, тщательно подбирая слова и, по-видимому, все еще чего-то опасаясь, ответил Митя. – Ссорились они. Вечером после представления. Все уже ушли, а они чего-то задержались. И я тоже. Мне реквизит кое-какой нужно было прибрать с номера и на завтра приготовить. В общем, задержался. И слышу, Гена с Антохой опять лаются.

– А они часто ругались?

– Да почти каждый день. Иногда в шутку, а иногда так, что чуть до драки не доходило.

– А в тот раз как было? В шутку или всерьез?

– В тот раз, похоже, всерьез. Злые, матерятся. Гена Антохе орет, что тот, мол, торгует, и он его хоть завтра может ментам заложить. А Антон ему в ответ – ты, мол, сам долбишься во весь рост, тебя, мол, самого хоть завтра заложить можно. И тигров, говорит, своих колешь. Иначе давно бы сожрали тебя, говорит, со всеми потрохами. Чего это, говорит, они у тебя все время такие вялые? Точно, на дозе сидят. А я вспомнил, что ребята просили рассказать, если с животными плохо обращаются. Ну, и... рассказал.

– Понятно. А часто ты слышал, что они из-за этого препирались?

– Да говорю же, почти каждый день.

– Я имею в виду наркотики, – уточнил Лев. – Часто Геннадий и Антон бросали друг другу подобные обвинения? Что один колет, другой торгует?

– Да нет, – медленно, как бы пытаясь припомнить, проговорил Митя. – Нет, я лично первый раз слышал.

– Вот как? Первый раз об этом услышал и сразу же поспешил сообщить ребятам, что животным делают запрещенные уколы. А если они это все просто придумали? Напраслину друг на друга возвели в пылу конфликта?

– Не знаю... – еще медленнее произнес Митя. – Меня просили, я рассказал. А как уж там они... придумали или нет... не знаю. Они пьяные оба были. Может, и правда, как вы сказали, напраслину возвели. По пьяни чего не скажешь...

«Нормально!» – с досадой подумал Гуров. – Получается, что вся эта «криминальная» история, которую с таким энтузиазмом раздувает эмоциональная защитница животных, произошла

только из-за того, что два чудака «по пьяни» друг другу выдуманные претензии решили предъявить? Из-за этого всполошилась равнодушная девушка, из-за этого она собиралась писать в газету, из-за этого оторвала от важных дел меня и потащила в этот цирк... Нормально!»

Но тут он вспомнил, что в результате его внепланового визита преступнику не удалось скрыться с места преступления, и возмущение его немного утихло.

«Хоть какой-то позитивный результат. – По крайней мере, не зря время потратил. Но то, что Шутов колет наркотики своим тиграм, похоже, бред чистой воды. Ребята, наверное, после водки марихуаной «залакировали», вот и разыгралось воображение. А этот Митя и рад выслужаться. Активист, блин! Попросили его».

– Значит, ты только один раз слышал про наркотики? Причем, упоминая их в своих претензиях, и Шутов, и Ирмелин были пьяны. Я правильно понял?

– Да. Раньше я не слышал, – кивнул Митя. – И чтобы тиграм он колол уколы, этого тоже не видел. Ни разу. Это Антон сказал, что он колет. А так у нас вообще-то ветеринар есть. Если нужно, уколы он делает. Просто я услышал, как они ругаются, и вот про наркотики эти, будто бы колет он их животным, и решил рассказать. Думал, пригодится. Просили же.

Возвращаясь вместе с Жориком к выходу, Гуров не скрывал досады.

– Тоже мне, юные натуралисты, – ворчал он. – Как можно, даже не разобрав толком, что к чему, поднимать такой шум? В газеты писать, обвинения предъявлять, ареста требовать. А, Георгий? Они, похоже, с пьяных глаз первое, что пришло в голову, лягнули, а вы с Митей на пустом месте целую историю сочинили.

– А я что, я ничего, – простодушно отвечал Жорик. – Меня Галка попросила, я сделал. Какую информацию сообщили, такую и передал.

– А о том, что проверять ее нужно, информацию, ты не знаешь? Не каждое слово, которое слышишь, за чистую монету принимать?

– Ну это... это не ко мне. Это их дело. Меня попросили, я сделал.

Поняв, что при всей разветвленности «агентуры» Галины Селезневой, профессионализма ее агентам явно не хватает, Гуров завершил разговор. Для себя все, что хотел, он выяснил и теперь со спокойной душой и чистой совестью мог отправляться на московский поезд. Открытых вопросов в Самаре больше не оставалось.

– А что же теперь с тиграми будет? – прощаясь с Жориком, вдруг вспомнил Лев. – Ведь их «хозяин» теперь не скоро сможет возобновить выступления.

– В зоопарк отдадут, – уверенно ответил Жорик. – Я слышал, циркачи с местными уже договорились. Те даже с большим удовольствием согласились принять. Тигры на дороге не валяются.

– А от кого ты это слышал? Не от Мити, случайно?

– Нет, – усмехнулся Жорик. – Здесь источник надежный. Дядя Федя мне говорил, сторож. Он-то уж точно знает.

– Да, дядя Федя – это авторитет. – А про медведя он, случайно, ничего тебе не говорил? Про Фимку. Того, которого чуть было в убийстве вместо Шутова не обвинили. Его ведь, я слышал, усыпить собирались.

– Фимку-то? А зачем его усыплять? Он парень миролюбивый. Я даже сегодня его видел. Сидит в клетке, как ни в чем не бывало. Сытый и довольный. Зачем его усыплять?

Попрощавшись с Жориком, Гуров направился к машине. Чтобы снова не ловить такси, он попросил шофера дожидаться его возвращения и, выйдя из цирка, увидел, что тот добросовестно выполнил просьбу, машина была на месте.

После разговора с двумя незадачливыми активистами мнение полковника относительно «наркомании» Шутова сформировалось окончательно.

Помня, что при допросах повара и дрессировщица упоминали о марихуане, он решил, что и их ветреные любовники, предъявляя друг другу претензии, тоже имели в виду что-то в этом роде. И Шутов, и Ирмелин, как люди отнюдь не праведного образа жизни, несомненно, могли пропустить косячок-другой, но о тяжелых препаратах и регулярном их применении здесь вряд ли шла речь. Все-таки профессия у Шутова была довольно специфичная, расслабляться при такой работе чревато риском для жизни. Да и строгий патриций Крабовский наверняка не стал бы терпеть подобное. Если уж он за пьянку грозился выкинуть Шутова из трупы, за наркотики вышвырнул бы и подавно. Так что серьезного криминального состава в этих «деяниях» искать не стоило.

– На вокзал, – кратко распорядился Лев, устраиваясь на заднем сиденье издавшей вида «Волги».

– Понял, шеф, – деловито ответил таксист и повернул ключ в замке зажигания.

На следующее утро с вокзала Гуров лишь ненадолго заскочил домой, после чего сразу поехал в Главк. Ночью в поезде ему удалось немного поспать, дома он позавтракал, принял душ и теперь чувствовал себя бодрым и готовым к работе.

Успешно завершённое расследование дополнительно поднимало настроение, и, входя в кабинет Орлова, Лев улыбался, зная, что друг и начальник будет рад хорошим вестям.

– Ага! Вот он! – воскликнул генерал, едва завидев Гурова. – Легко на помине. Только вчера со Стасом вспоминали о тебе.

– Рад, что не забываете.

– Тебя и захочешь, не забудешь. Что ж, хвастайся. Физиономия, смотрю, довольная. Все прошло успешно?

– Более чем. Материала на три уголовных дела хватит. Незаконное участие в бизнесе, превышение полномочий, взятки. Да и сама фирма работала довольно своеобразно. В бухгалтерских документах местами просто чудеса встречаются.

– Документы приобщил?

– Само собой.

– Вот и отлично. Собери их аккуратненько в папочку и, благословясь, передавай Стасу.

– То есть как это? – изумленно взглянул на генерала Гуров. – Я в этой Самаре целую неделю сидел, работал как проклятый, дело, можно сказать, закончено, осталось только ордер на арест подписать. И вдруг – на тебе, возьми да отдай все это Стасу! Не слишком ли дорогой подарок будет? Да и с чего вдруг?

– Вот и хорошо, что закончено, – ничуть не смутившись, сказал Орлов. – Чем меньше ему придется вникать, тем быстрее передадим в суд. А для тебя есть посерьезнее задание.

– Что значит, «посерьезнее»? – продолжал возмущаться Лев. – А мое дело – это что, игрушки? Высокопоставленный чин, в правительстве сидит. Да его чтобы к ногтю прижать, это еще ой-ой как потрудиться надо было. Посмотрел бы я на этого Стаса, как бы он все это сумел. И вычислить его, и доказательную базу собрать, а потом взять да и подарить все это... например, мне. Почему он мне никогда своих дел не передает, таких, где уже все раскрыто и «вникать» не нужно, а, Петр Николаевич? Пускай и он наработками поделится, чтобы вежливость у нас взаимная получилась. Он – мне, я – ему.

– Да оно так и получится, Лева, ты не переживай, – усмехнулся Орлов. – По сравнению с делом, которое сейчас раскручивает Стас, даже твой высокопоставленный чин ступает. И тебе в этом деле, возможно, предстоит сыграть ключевую роль.

– Правда? Весьма польщен. Только мне и по своему делу «доиграть» всего ничего осталось. День-другой, не больше. Выписывай ордер, проведу с ним пару допросов, передам дело в суд и с удовольствием переключусь на «архиважное» дело, которое раскручивает Стас. Думаю, пару дней моя «ключевая роль» сможет подождать.

– Нельзя там ждать, Лева. Дело серьезное, нам информация нужна. И чем скорее, тем лучше. Предварительные переговоры мы уже провели, принципиальное согласие с той стороны получено, так что на работу можешь устраиваться хоть сегодня. И насчет «сегодня» – это совсем не метафора. Я лично, честно говоря, был бы просто счастлив, если бы именно так все и произошло.

– На работу?! – вытаращил глаза Гуров. – А сейчас я где? Послушай, Петр Николаевич, ты не хочешь объяснить, что вообще происходит? Практически законченное дело, над которым целую неделю мучился, я должен передать Стасу, а сам идти устраиваться на работу. Причем прямо сегодня. Какая-то немного шокирующая новость, тебе не кажется? Если ты забыл, так я напомню – меня в Москве целую неделю не было, и что тут у вас происходило, я не знаю. Если в свое отсутствие я сумел чем-то тебя огорчить и ты по этому поводу решил меня уволить...

– Лева, не говори ерунды! Кто сказал, что тебя собираются уволить? Речь идет о работе под прикрытием. Тебе нужно будет устроиться в транспортную компанию и понаблюдать, что и куда они там транспортируют. Подробности расскажет Стас, он по делу работает вплотную, ему лучше известна обстановка. А по поводу того, что здесь происходило в твоё отсутствие, обрисую вкратце. В результате, можно сказать, счастливой случайности мы получили очень крепкую ниточку, ведущую к разветвленной преступной группировке, занимающейся наркотой. К нам и раньше приходила информация, но сведения были отрывочные и не всегда достоверные, так что конкретно работать по этой группе было сложно. А теперь многое прояснилось, и главное – мы выяснили алгоритм, по которому они работают. Твоя задача – в этот алгоритм внедриться.

– Как, и здесь наркота? – вполголоса пробормотал Лев, сразу вспомнив эмоциональные выступления защитницы животных из Самары.

– А где еще? – удивленно спросил Орлов.

– Да вот в Самаре тоже были у меня разные тревожные сигналы. Возмущенная общественность требовала уничтожить гнездилище порока и немедленно всех арестовать. Я было уже и собрался, да на проверку оказалось, что дело выеденного яйца не стоит. Одни эмоции.

– Не волнуйся, тут наверняка так не окажется. Я ведь говорил, данные по этой группировке к нам и раньше поступали. Проходила информация, что в разных местах крупные поступления «товара» зафиксированы, а кто привез и откуда – неизвестно. А тут коллеги наши из смежного ведомства решили небольшой рейд провести по ночным клубам, в виде, так сказать, профилактической меры. Ну и, как водится, вернулись с «уловом». Несколько человек взяли с поличным на продаже, да парочку еще под кайфом прихватили.

– А этих зачем? Чтобы в дороге скучно не было?

– Не знаю, может быть. Так или иначе, наверное, какие-то соображения у них были, не просто так потащили их за компанию. И похоже, стратегия оказалась верной. В результате, то ли от растерянности, то ли с перепугу, но один из распространителей, которые там торговали, «раскололся» до самого дна. И тех, у кого сам берет, назвал, да еще и выдал «версию» о том, где сами его поставщики могут затариваться. «Смежники» наши, как люди не жадные, этой информацией поделились, и в результате объединения данных нарисовалась весьма и весьма интересная картина.

– Розничный продавец вывел на ту самую загадочную банду?

– Угадал. То есть не напрямую, конечно, о том, насколько глобальная эта сеть, он, скорее всего, и сам не догадывался. Но мы-то уж эти недостатки возместили. «Наводки» были вполне конкретные, и, сопоставив новую информацию с той, что у нас уже имелась, мы, так сказать, нащупали тропку, по которой можно вплотную подобраться к главарям этой шайки и накрыть всю контору целиком. Вот вкратце, чем мы, а особенно Стас, занимались здесь в то время, пока тебя не было. Как видишь, сложа руки не сидели.

– Да, потрудились на славу, – согласился Гуров.

– Вот именно. А теперь, когда тебе, можно сказать, оказана честь по этой самой тайной тропке пройти и раскрыть всю банду, ты вместо благодарности начинаешь капризничать и выпендриваться как малое дитя.

– А чего ты ждал? Человек не успел под крышу родного управления зайти, как ему с порога объявляют, что он должен отдать почти законченное дело и искать работу. Любой бы стал выпендриваться.

– Но теперь-то понял, в чем дело?

– Теперь понял. Даже догадался, что распространение идет через ту самую транспортную компанию, в которую я должен устроиться.

– Молодец, соображаешь. Про фирму тебе Стас подробности объяснит, насколько я понял, сами бандиты там никак не завязаны. Контора работает легально, и все сотрудники – вполне добропорядочные граждане. Занимаются реальными перевозками, выполняют заказы граждан и юридических лиц. От всех остальных фирм эта организация отличается только небольшими нюансами в работе. Например, иногда водителю, уже выехавшему на маршрут, приходится, по специальной просьбе руководства, заезжать по некому дополнительному адресу и брать некий дополнительный груз.

– Значит, бандиты все-таки завязаны в фирме, если все эти «дополнительные» маневры происходят по просьбе руководства?

– Не обязательно. Руководство здесь, скорее всего, не инициатор просьбы, а только лишь, так сказать, «передатчик». «Специальные заказы» контролируются извне, а «фирмачи» просто имеют некий процент за оказанные услуги и за то, чтобы держали язык за зубами. Впрочем, эти тонкости тебе лучше выяснить у Стаса. Вот будешь ему дело передавать, тогда и поговорите, – лукаво усмехнувшись, добавил Орлов. – Иди, он, наверное, сейчас в кабинете.

Подходя к знакомому кабинету, Гуров вдруг почувствовал, что за время разлуки соскучился по родным стенам, и с удовольствием открыл дверь. Первое, что он увидел, – деловито разговаривающего с кем-то по телефону Крячко.

– ...Да, разумеется, – говорил в трубку напарник. – Никаких проблем. Эксцессы исключены в принципе. Тишайший, милейший старичок. Божий одуванчик. Посадите в уголок, научите раскладывать пасьянс в компьютере и можете просто о нем забыть. Будет у вас вместо фикуса, не увидите и не услышите. Разумеется. Даже не беспокойтесь, мешать он точно не будет. Хорошо. Хорошо, договорились. Жду. А вот и он, наш долгожданный! – По широкой улыбке Стаса Гуров определил, что последняя фраза адресована лично ему. – Проходи Иваныч, будь как дома. Рад, что ты снова с нами. С начальством уже виделся?

– Само собой. Первым делом к нему побежал, дурак, об успехах докладывать. А тут уже... решили все. Без меня меня женили.

– Почему же дурак? Наоборот. Я считаю, ты все правильно сделал. Объявиться любимому начальству – наш первый и главный долг. И об успехах доложишь, и новости узнаешь. Говорил тебе Орлов, какую я махину сейчас раскручиваю? ОПГ транснационального масштаба.

– Так-таки прямо транснационального? Не круто взял?

– Даже если и не транснационального, то федерального – точно. У фирмы филиалы в нескольких городах, это уже установлено. Непонятна пока схема транспортировки и распределения товара, но в этом, надеюсь, сможешь помочь нам ты, непревзойденный ас сыскного дела и гений перевоплощения. Тепленькое местечко в подконтрольной этим ребятам транспортной компании я для тебя уже забил. Кстати, вот сейчас как раз на эту тему по телефону разговаривал. Слышал, наверное.

– «Тишайший, милейший старичок»? «Божий одуванчик»? – сделал зверские глаза Гуров. – Это ты обо мне?

– Нет, Иваныч, это я не о тебе. Это я совсем про другого человека говорил. А про тебя так и сказал – прибудет, мол, к вам, ребята, наш самый матерый опер и прогостит у вас до тех пор, пока все ваши компьютеры наизнанку не вывернет и не добудет нужную нам информацию. Так нужно было сказать?

– Нет, так, конечно, не нужно было, – но «божий одуванчик» – это все-таки чересчур.

– Нормально, – заверил Стас. – По легенде ты старше себя теперешнего годков этак на семь, так что все определения в тему. Вообще, если бы ты знал, как я это место для тебя добывал, ты бы сейчас горячими слезами плакал только от соболезнаваний одних. Сколько фантазии мне потребовалось, сколько сноровки. Одно то, как я на этого человека вышел, – уже на целую детективную драму тянет. История посильнее «Фауста» Гете. А ты выпендриваешься.

– Что-то я сегодня целый день только и делаю, что выпендриваюсь, – вполголоса пробормотал Лев. – Ладно, заткнулся и готов внимать. Начинай с самого начала и расскажи мне толком, что это за ОПГ такая и с какого перепуга вам с Орловым приспичило внедрять меня в эту фирму.

– Вот! Это деловой разговор. А то заладил – чересчур, не чересчур. Если партия сказал «надо», значит, изволь...

– Ближе к делу, Склифосовский!

– К делу так к делу, – миролюбиво согласился Крячко. – Дело здесь простое. Некая преступная организация занимается транспортировкой наркотиков. Крупные партии доставляются в Москву, а отсюда в более мелкой, так сказать, «расфасовке» расходятся по стране. Зоны наиболее активной деятельности – столица, Поволжье и южные области. По моим сведениям, транспортировка осуществляется с помощью подконтрольной преступникам транспортной компании «Линия». Фирма зарегистрирована на некоего Карташова Леонида Витальевича, но, как я понял, фигура эта марионеточная.

– Используют, чтобы настоящим хозяевам не пришлось «засвечивать» свои фамилии?

– Скорее всего. По некой счастливой случайности – подозреваю, что здесь помогло мне само Провидение, – в составе топ-менеджмента этой фирмы оказался один мой старый знакомый.

– Проходил по какому-то делу?

– Точно! Причем не по «какому-то», а именно по такому, по которому надо. Мошенничество с деловой документацией, выведение активов, непоказанная прибыль...

– То есть в том, чтобы остальные топ-менеджеры узнали об этой части его биографии, он крайне не заинтересован?

– Категорически! Поэтому, как сам понимаешь, общий язык с ним мне было найти легко. Подъехал, пригласил старого друга в кафе, перемолвился словечком-другим. И в результате добыл для тебя не пыльную, а главное – довольно денежную работенку.

– Премного благодарен.

– Не вижу поводов для иронии. Если бы ты был нормальным человеком, а не сумасшедшим опером, не мыслящим жизни без этой трижды проклятой каторжной работы, на которой сутками пропадаешь, как приговоренный, и за которую хоть бы раз в жизни перепала хоть какая-нибудь благодарность от черствого и бездушного начальства, которое...

– К делу, Стас! – сооротив страдальческую гримасу, взмолился Гуров.

– Так вот, я и говорю – если бы ты был нормальным человеком, а не опером, ты бы о такой работе мечтал. Чем не должность? Сиди целый день и в потолок плюй. А оклад тем временем капает себе да капает. Не жизнь – сказка!

– Да уж. А что за должность-то? Как называется?

– Логист. Сережа, правда, предлагал, учитывая твой преклонный возраст, сторожем устроить, но я не согласился. Сказал, что ты бывший военный, уволенный в чине подполковника, сторожем для тебя будет несолидно.

- Спасибо, Стас, ты настоящий друг.
- Я старался.
- Сережа – это тот самый твой «старый знакомый»?
- Да, он. Платонов Сергей Антонович. А ты – его добрый дядюшка Платонов Семен Иванович. Видишь, как удачно все сложилось, даже отчество совпало.
- Удачнее некуда, – саркастически усмехнулся Лев.
- Не вижу поводов для иронии. Я тут, значит, стараюсь, не покладая рук тружусь, добываю ему вакансию, а он только, знай себе, фыркает. Если бы ты знал, сколько энергии, сколько нечеловеческих усилий пришлось мне затратить, чтобы...
- Да, да, я, конечно, давно бы уже плакал горючими слезами. Не отвлекайся. Я – добрый дядюшка этого Сергея. Что еще?
- Да, ты – добрый дядюшка. Годков тебе – под семьдесят, но ты еще бодр и свеж, как весенний бурьян в огороде. В логистике ты, конечно, ни черта не смыслишь, но зато имеешь нужных родственников. Они-то и перемолвились с кем надо словечком, чтобы пристроить тебя в эту компанию. В виде дополнительного декора, так сказать. Сотрудники отдела, где ты будешь просиживать штаны, уже в курсе. В целом никто не возражает. В конце концов, не из своего кармана они будут тебе зарплату платить.
- А много сотрудников?
- Две девушки и один парень. Так что ты, так сказать, уравнишь гендерную ситуацию.
- А кроме этого у меня будут какие-то задачи?
- Обязательно. Я, собственно, почему не хотел устраивать тебя сторожем – сложно подбраться к информации. В качестве сторожа ты разве что из разговоров смог бы узнать что-нибудь полезное, тогда как, работая логистом, ты, можно сказать, будешь контактировать напрямую именно с теми данными, которые нам нужны.
- А какие данные нам нужны?
- Вот! Это главный, ключевой, можно сказать, вопрос. Зришь прямо в корень, Иваныч. Потому что, если сказать тебе честно и откровенно, – хрен его знает, какие данные нам нужны.
- По умению поставить конкретную задачу, Стас, тебе просто нет равных.
- Думаешь?
- Вижу. Точнее, слышу. И как я, по-твоему, должен работать, когда даже непонятно, что нужно искать?
- Как-то придется выкручиваться, Лева. Постарайся. Ты же у нас ас. Я бы и сам туда логистом сходил поработать, но меня, видишь ли, там знают, «засвечен» уже. Так что придется тебе. Исходных, конечно, до обидного мало, но нам ведь и не с такого случалось начинать. Базовая ситуация известна. Существует преступная группировка, распространяющая наркоту. Существует фирма, через которую она это делает. Все остальное – пока только в виде предположений.
- Поделись хоть предположениями.
- Я думаю, что в этой «Линии» сидит какой-то «жучок», через которого преступники корректируют некоторые маршруты в нужном для них направлении. Ведь в целом фирма работает легально и действительно осуществляет перевозки по стране. Кроме того, поступление «товара» происходит не каждый день, и в услугах этой компании преступники нуждаются, так сказать, разово. Поэтому я и думаю, что, самолично в той фирме не работая, они имеют там какого-то агента. Возможно, это сам Карташов, но, может быть, и нет. Может быть, этот «жучок» как раз в отделе логистики и сидит.
- Что ж, тогда, как агент с агентом, мы наверняка легко найдем с ним общий язык.
- Твоими бы устами. Но так или иначе вычисление этого агента – одна из твоих задач. Дальше – способ связи. Как он контактирует с хозяевами. Дальше – маршруты. Это, возможно, самое важное. Регионы, где они работают, я тебе назвал, так что в первую очередь сосредото-

точиться нужно будет на грузах, которые отправляются именно туда. С Москвой, конечно, все понятно, здесь искать бесполезно. Здесь с этими перевозками такого намешано, что сам черт ногу сломит. Но Поволжье и юг, думаю, направления перспективные. Особенно юг. Туда машины наверняка ходят не так уж часто, поэтому отследить «особенную» будет легче. Наверное.

– Вот именно – наверное, – покачал головой Гуров. – На капоте-то у нее не будет написано, что она там везет, эта «особенная» машина. Да и «особенная» ли она вообще, или самая, что ни на есть, рядовая.

– На капоте не будет, это ты прав. Но зато в сопроводительных документах будет. А документы проходят через фирму.

– Так и будет конкретно указано – пять килограммов опия-сырца? – саркастически усмехнувшись, спросил Лев.

– Не прибедняйся, Иваныч. Ты же у нас прозорливый, зачем тебе конкретные указания? Чай, и без них догадаешься, если действительно что-то «левое» загрузят.

– Как это, интересно, я догадаюсь? Сквозь предметы я видеть пока еще не умею, хотя и прозорливый. И с телепатией у меня тоже не особенно блестяще. Чужие мысли, как газету, читать не научился.

– Вот уж в это никогда не поверю, – улыбнулся Стас. – Это надо у тех бедолаг спросить, которые у тебя на допросах бывали, как ты мысли читать не умеешь. В общем, с телепатией или без телепатии, а информацию нам нужно как-то добывать. Я ведь тебе главного не сказал. По моим сведениям, недавно наши друзья приняли новую крупную партию товара. То есть, если я правильно понимаю ситуацию, сейчас должна идти активная кампания по распространению и перевозке партий более мелких. Поэтому я посчитал необходимым форсировать процесс и срочно устроить тебя на новую работу.

– Вот-вот. Даже дело закончить не дал. Сколько энергии, сколько нечеловеческих усилий затрачено, какая титаническая работа проведена, и все... тебе.

– Не горюй, друг. Ты передаешь дело в надежные руки. Усилия не пропадут даром. Торжественно обещаю, что твое расследование будет в моей повестке дня главным вопросом, и я сделаю все возможное и невозможное, чтобы как можно скорее призвать к ответу высокопоставленного негодяя и передать дело в суд.

– Само собой, – недовольно пробурчал Гуров. – Тем более что там и делать-то, собственно, уже ничего не надо. Ни возможного, ни невозможного. Только ордер на арест выписать.

Передав напарнику материалы, собранные в Самаре, и вкратце разъяснив суть дела, Гуров вернулся к насущному.

– Если в эту контору меня планируется устраивать официально, значит, нужны какие-то документы. Вряд ли они поверят на слово, что я – именно Платонов Семен Иванович, а не какой-нибудь Семенов Платон Петрович.

– Само собой, – бодро откликнулся Стас. – Насчет документов все упреждающие мероприятия уже проведены, с минуты на минуту ждем итоговых результатов. Кстати, позвоню-ка я нашему генералу. Может, и правда уже все готово. Тогда занимать вакансию можешь хоть прямо сейчас.

Он достал телефон и набрал номер Орлова.

– Крячко беспокоит, товарищ генерал. Да, уже поговорили. Да, дело передал. С радостью. Правда? Надо же. А мне, наоборот, сказал, что просто счастлив, что сможет, наконец-то, освободиться от этой обузы. И в Самаре, говорит, надоело до смерти, а еще здесь занимайся. Ордера добывай, арестовывай их всех. Вот и я говорю, морока только одна. То ли дело логистом работать. Сиди себе, отдыхай, кроссворды разгадывай. Как там, кстати, документики нашего Семена Ивановича? Готовы? К концу дня? Что ж, и это хорошо. Значит, завтра, прямо

с утречка, пойдем на работу устраиваться. Да, конечно. Обязательно познакомлю. Понятно, что нехорошо будет, если окажется, что племянник своего дядюшку ни разу даже в глаза не видел. Обязательно. Ладно, Петр Николаевич, не буду больше тебя отвлекать. Насчет документов понял, вечером обязательно зайду. До новых встреч.

Закончив разговор с генералом, Стас снова обратился к Гурову:

– Ну вот, слышал? Вечером «ксива» твоя будет уже готова, так что к утру готовься и сам. Обмозгуй стратегию поведения, продумай имидж.

– Поучи меня еще!

– Не нужно заноситься, товарищ. Стоит ли принимать в штыки доброжелательный дружеский совет. Вот, кстати, насчет кроссвордов. По-моему, очень стоящая мысль. Для пенсионера неплохая отмазка, согласись. Например, все обедать пошли, или на посиделки к секретарше в предбанник, а тебе некогда, у тебя кроссворд незаконченный на очереди, ждет не дождется. Все спокойненько глотают калории, уверенные, что ты поглощен вопросом о том, сколько ножек у сороконожки, а ты, между тем, как заправский шпион, исследуешь содержимое чужих компьютеров. Или вот, например, разные вредные привычки, типа курения. Я понимаю, ты о здоровье заботишься, годы свое берут, следить надо...

– Сейчас как врежу, узнаешь, что там годы берут.

– Зачем же так сразу? Я просто хотел сказать, что курение иногда очень способствует коммуникабельности. Разные интимные места, типа общественных курилок, всегда провоцируют на откровенные разговоры. Для здоровья оно, конечно, не очень хорошо, но для дела иногда приносит пользу просто неоценимую.

– Ладно, кончай. Думаю, сейчас пора уже знакомить меня с любимым племянником. Если документы почти готовы, тянуть нечего. Раньше устроюсь, раньше уволюсь. Логистом быть никогда не мечтал.

– Ну и зря. Непыльная работенка.

Стас снова взялся за телефонную трубку, и вскоре они с Гуровым уже ехали на встречу с Платоновым.

– Парень прожженный, негде пробы ставить, – рассказывал Крячко. – Но по виду ни за что не скажешь. Воплощенное комильфо. Пробор, костюмчик с иголочки. Хоть сейчас на Уолл-стрит.

– Кем он там работает?

– Начальник финансового отдела. Знали бы они, сколько таких финансовых отделов он по ветру пустил, наверное, еще десять раз подумали бы, прежде чем начальником ставить, – усмехнулся Стас. – Хотя тут возможен и другой вариант. Если он знает, с кем имеет дело, возможно, побоится так уж внаглую кидать.

– Собственная шкура дороже денег?

– Само собой. Он и со мной согласился сотрудничать только поэтому. Когда я с ним разговаривал, всю рожу у бедного перекосило, прямо на лбу было написано, как ему не хочется. Все пытал меня, что за информация нам нужна и не сможет ли он сам ее добыть. Я ему, конечно, так вот прямо в лоб не ответил, но намекнул вполне прозрачно. Это, говорю, работа для профессионалов, тебе, сердечному, соваться сюда не нужно. Не ровен час, мышцу надорвешь. Понимаю, говорю, что на два фронта работать хлопотно тебе будет, да и риск опять же. Но от судьбы не уйдешь. Сумел себе «послужной список» набрать, сумей его и отработать.

– Да, ситуация у парня теперь жесткая. И самому нельзя добрым хозяевам всю правду про «дядюшку» рассказать, да и ждать, что без рассказов они догадаются, тоже опасно.

– Это точно. Если догадаются, решат, что он на ментов работает, а если сам расскажет, тогда уж мы что-нибудь решим.

– Да, если они в подробностях узнают, как ловко он умеет с финансами обращаться, пожалуй, парню тоже не поздоровится, – усмехнулся Лев.

– О том и говорю. Куда ни плюнь, везде клин. Бедный Сережа!

За разговором время прошло незаметно, и вскоре Крячко притормозил возле небольшого кафе, уютно примостившегося среди деревьев. Зеленая зона жилого квартала представляла собой довольно удобное место для отдыха. В аллеях неспешно прогуливались старики и дамочки с колясками, на детской площадке резвилось подрастающее поколение, а те, кому не подходило ни то ни другое, могли провести свое время в кафе, слушая негромкую музыку и потягивая напитки или угощаясь мороженым.

Туда и направились полковники.

– Вон он, – вполголоса произнес Крячко, кивком указывая на столик у окна.

Внешний вид мужчины вполне соответствовал меткому определению Стаса и действительно представлял собой «воплощенное комильфо».

Увидев вновь прибывших, мужчина привстал со стула и слегка наклонил голову в знак приветствия.

– Добрый день, Сергей Антонович, спасибо, что согласились встретиться с нами, – подходя к столику, проговорил Стас.

– А что, у меня был выбор? – как-то невесело усмехнувшись, поинтересовался Платонов.

– Выбор, он всегда есть, – многозначительно ответил Станислав. – Познакомьтесь – Платонов Семен Иванович, подполковник в отставке, ваш нежно любимый дядюшка.

– Рад приветствовать, – неприязненно глянув в сторону Гурова, коротко бросил Платонов.

– Вот и отлично, – подхватил Крячко. – Если вы рады, то мы – тем более. Как я уже говорил по телефону, Семен Иванович готов приступить к выполнению обязанностей логиста уже завтра, поэтому, думаю, ему будет полезно узнать общую обстановку на фирме и внутренний распорядок.

– Обстановка обычная, – отсутствующим взглядом обводя помещение, заговорил Платонов. – Начальство лояльное, коллектив доброжелательный. Работа с девяти до шести, с часовым перерывом на обед. В отделе, где вы будете трудиться, работают еще три человека, две девушки и один парень. Возраст – тридцать с небольшим. О том, что вы непрофессионал, они предупреждены, чрезмерно отягощать вас работой не будут. Будете выполнять разовые задания, что нужно будет сделать, вам подробно объяснят. Кажется, все.

– У вас есть вопросы, Семен Иванович? – деловито обратился к Гурову Стас.

– Как объяснили сотрудникам фирмы мое появление? Они действительно не возражают против такой штатной единицы? Каждый раз подробно объяснять... не все обрадуются такой дополнительной нагрузке. Причем за ту же зарплату.

– Я ведь уже сказал, коллектив отдела, где вы будете работать, молодой и доброжелательный, – устало повторил Платонов. – Я сам лично говорил с ребятами, объяснил ситуацию. Сказал, что после смерти супруги вы остались в полном одиночестве, и на семейном совете решено было принять меры, чтобы вытащить вас из депрессии. Я поговорил с директором, и он согласился принять вас... возможно, временно.

– То есть пока я не выйду из депрессии, – уточнил Гуров. – Понятно. Только про смерть супруги неплохо было бы предупредить заранее, а, Станислав Васильевич?

– Да я и сам про эту смерть только сейчас узнал, – удивленно глядя на Платонова, проговорил Крячко. – Какие у нас еще сюрпризы?

– Должен же я был как-то объяснить его появление, – раздраженно сказал Платонов. – Выставляете требования, диктуете условия, а как я все это должен реализовать на практике, вам и дела нет. Придумывай, что хочешь, твои проблемы. Вот я и придумываю, изворачиваюсь, как могу.

– Насчет придумки никто не возражает, придумано неплохо, – поспешил поощрить инициативу Стас. – Просто обо всех этих придумках, да и о прочих изменениях программы необходимо сразу же нам сообщать. Чтобы координация действий не терялась.

– Вот я и сообщил.

– Большое спасибо. Еще какие-то дополнительные придумки имеются?

– Нет. Больше никаких.

– Отлично. Тогда, если у Семена Ивановича больше нет вопросов, нам остается только назначить время и место встречи и попрощаться до завтра.

– Думаю, будет лучше всего, если вы подъедете прямо к офису, – сказал Платонов, обратив лицо к Гурову, но глядя куда-то сквозь него. – И лучше на такси. Подъезжайте к девяти часам, я буду вас ждать.

– Отлично! – вместо Гурова бодро ответил Стас. – Вот и договорились. Приятно общаться с деловым человеком. Так, значит, до завтра?

– Да, до завтра, – так же рассеянно глядя в пространство, проговорил Платонов.

Гуров и Крячко встали из-за столика и, вежливо попрощавшись, вышли.

– Не понравился мне этот твой Платонов, – озабоченно нахмурившись, сказал Лев. – Скользкий тип. Не удивлюсь, если через пару дней окажется, что и директор, и тайные хозяева этой фирмы целиком и полностью в курсе всей подоплеки моего там появления.

– Тип неприятный, с этим согласен. Но не думаю, что он проболтается. Он, возможно, скользкий, но уж точно не глупый, следовательно, очень хорошо понимает, какими окажутся последствия этой неуместной говорливости.

– Твоими бы устами...

Сев за руль, Стас довез Гурова до Управления, но сказал, что в кабинет ему подниматься уже не обязательно.

– Тебе, как недавно прибывшему из длительной и утомительной командировки, а также как сотруднику, который, не щадя живота своего, ударно потрудился на благо родного управления, предоставляется эксклюзивная возможность отправиться домой прямо сейчас, не дожидаясь окончания рабочего дня.

– Спасибо, добрый мой, – усмехнулся в ответ Лев. – Только если бы ты, прежде чем разливаться тут передо мной соловьем, взглянул на часы, то догадался бы, что возможность не такая уж эксклюзивная. Окончание рабочего дня наступит минут через двадцать. Так что я, кажется, не много выиграл.

– Через двадцать? Ничего подобного! – посмотрев на часы, уверенно возразил Стас. – Не через двадцать, а почти через целых тридцать, то есть аж через полчаса. А полчаса в нашем деле – это, знаешь ли...

– Ладно, ладно, уймись! – засмеялся Лев. – А то из-за твоего неумного красноречия я и эти полчаса проведу на работе. Будь здоров, не поминай лихом. С завтрашнего дня отправляюсь постигать премудрости транспортной логистики.

Глава 4

На следующее утро без четверти девять Гуров выходил из такси, остановившегося неподалеку от офиса транспортной компании «Линия». Уже само расположение этого офиса говорило о том, что хозяева фирмы – люди «непростые». Арендовать первый этаж одного из исторических зданий на Большой Полянке наверняка стоило немалых денег, да и связи соответствующие тоже нужно было иметь.

Расплатившись с таксистом и подходя к зданию, он заметил стоявшего возле входа Платонова. Тот нервно курил и время от времени окидывал взглядом прилегающие пространства.

– А, вот и вы, – без особого энтузиазма приветствовал тот полковника. – Хорошо, что подошли немного пораньше. Нужно будет переговорить с директором, он хочет познакомиться с вами поближе. Надеюсь, ничего не заподозрил. Вы придумали для себя «легенду»? В каком полку служили и все такое прочее? Возможно, придется ему что-то рассказать.

– Без проблем, – спокойно отозвался Гуров. – В военной среде у меня достаточно знакомых, можно брать биографию любого.

– Хорошо. Если не возражаете, при посторонних я буду обращаться к вам на «ты». Мы ведь родственники.

– Разумеется.

– Что еще?.. – озабоченно нахмурившись, вспоминал Платонов. – Кажется, ничего не пропустил. Ладно, идемте. Сориентируемся на месте. Главное, не забудьте, что вы – подполковник в отставке и что у вас умерла жена.

– Я помню, – ответил Гуров, мысленно представляя себе, что бы сказала Мария, если бы услышала этот диалог.

Следом за Платоновым он вошел в массивные деревянные двери с золочеными ручками и оказался в небольшом, стильно оформленном вестибюле. За столами с компьютерами и прочей оргтехникой сидели девушка и парень так называемой модельной внешности. Взглянув на них, Лев подумал, что эти ребята наверняка занимаются непосредственной работой с клиентами, ведь «лицо фирмы» должно быть красивым, это еще один дополнительный стимул, чтобы граждане выбирали именно данную компанию.

– Вот, познакомьтесь, ребята, – остановившись, произнес Платонов. – Семен Иванович. Будет теперь с нами работать.

– Можно просто дядя Сеня, – добродушно улыбнулся Гуров.

– Очень приятно, Рита, – сверкнула белоснежными зубками девушка.

– Геннадий, – лаконично отрекомендовался парень.

– Рад знакомству.

– Пойдем, дядя Сеня, нужно поговорить с Игорем Владимировичем, пока он не уехал, – сказал Платонов, явно не желая, чтобы разговор Гурова с ребятами слишком затягивался.

Он прошел к одной из дверей, ведущих из вестибюля, и, открыв ее, снова остановился, пропуская Гурова.

Войдя, полковник оказался в довольно длинном коридоре, из которого тоже вело несколько дверей. Следом за Платоновым он прошел к самой дальней из них, возле которой красовалась табличка с надписью: «Приемная».

Платонов вежливо постучал и открыл дверь.

– Нина, Игорь Владимирович у себя? – спросил он очередную модельную девушку, сидевшую за компьютером.

– Да, здесь, – ответила та, с интересом взглянув на Гурова. – Проходите, он вас ждет.

Несмотря на беспокойство Платонова, разговор с директором прошел вполне «гладко». Предупрежденный заранее, он уже был готов услышать историю про безвременно почившую супругу и в рассказе Гурова не заподозрил никакого подвоха.

Выходя из кабинета, начальник финансового отдела, который, по-видимому, именно беседу с директором считал главным фактором риска, пребывал в отличном настроении. От его угрюмости и озабоченности не осталось и следа, и, проходя по коридору, он оживленно разъяснял Гурову незатейливую структуру фирмы.

– Вот здесь, в нескольких кабинетах, собственно говоря, и сосредоточен основной штатный состав нашей компании. В тесноте, как говорится, да не в обиде. Все рядом. И дирекция, и финансовый отдел, и бухгалтерия. А вот и наши логисты. Тоже, как видите, недалеко.

С этими словами Платонов распахнул дверь, находившуюся неподалеку от той, что вела в вестибюль, и снова предупредительно пропустил Гурова вперед.

Войдя, Лев вновь увидел обязательные столы с компьютерами, за которыми сидели две довольно миловидные брюнетки и один блондин, тоже вполне приятной внешности. По-видимому, красивое лицо в этой фирме входило в число обязательных условий дресс-кода.

– Добрый день! – открыто и доброжелательно улыбнувшись, произнес он.

– Здравствуйте, – ответил за всех светловолосый парень.

– Принимайте пополнение, ребята, – бодро вступил в разговор Платонов. – Семен Иванович, прошу любить и жаловать. Знакомься, дядя Сеня, это – Ира, это – Мила, это – Паша, – говорил он, поочередно кивая на присутствующих. – Отличные ребята, и теперь – твои коллеги по работе. Вы подготовили, что я просил? – обратился он к Павлу.

– Да, конечно. Вот стол, монитор, клавиатура. К общей базе я пока его не подключал, Игорь Владимирович сказал, что не нужно.

– Почему не нужно? – сразу насторожился Платонов.

– Ну, человек пока новый, пускай сначала освоится, приобретет навык. Все-таки база... база, это вещь серьезная, если там нечаянно что-нибудь перепутать, сами понимаете...

– Да, резонно. Ну что ж, дядя Сеня, значит, нужно будет тебе осваиваться и приобретать навык. Будем считать, что ты у нас на испытательном сроке. Да, ребята? Надеюсь, поможете нашему... ветерану освоиться со всеми этими премудростями. А, Людмила, что скажешь? – обратился он к одной из девушек, очень внимательно наблюдавшей за происходящим и за все время разговора ни разу не улыбнувшейся.

– Попробуем, – сдержанно ответила она.

– Тогда передаю дядю Сеню в ваши надежные руки. Заботьтесь о нем, не обижайте. Если будут какие-то вопросы, обращайтесь прямо ко мне, не стесняйтесь. Ну, ни пуха ни пера, дядя Сеня, счастливо тебе освоиться.

Проговаривая этот небольшой спич, Платонов улыбался, стараясь показать радушие и открытость, но на последних словах не смог скрыть двусмысленного выражения.

Когда он вышел, к Гурову обратился Павел.

– Присаживайтесь, Семен Иванович, – сказал он, указывая на незанятый стол. – Вы вообще никогда не имели дело с транспортной логистикой?

– Нет, Паша, – улыбнулся Гуров. – Я больше по военному делу специалист.

– Понятно. Ну, ничего. Базовые принципы мы вам объясним, а дальше уж сами сообразите. В общем-то здесь нет ничего сложного. Нужно просто выбрать оптимальную схему с точки зрения расхода горючего и времени в пути. Давайте рассмотрим на примере...

Адаптация полковника на новой работе продвигалась более чем успешно. Уже через три дня он перезнакомился практически со всеми обитателями кабинетов, двери которых выходили в коридор. Имидж добродушного и общительного старикана, знающего несчетное количество военных и прочих баек, оказался весьма успешным. Сотрудники, независимо от воз-

раста, одинаково охотно общались с ним, причем не только сами задавали вопросы, но и с готовностью отвечали, если спрашивал Гуров. А расспросить ему было о чем.

Результатом этой открытой и доброжелательной стратегии стало то, что уже очень скоро подавляющее большинство сотрудников «Линии» по-свойски обращались к нему, называя «дядей Сеней», а Людмила Ивановна, солидная дама из бухгалтерии, состоящая в разводе, стала уделять повышенное внимание своей внешности и очень тщательно делать макияж.

Рекомендации Стаса по поводу «вредных привычек» и кроссвордов тоже пришлось как нельзя более кстати. С помощью этих нехитрых приемов Гуров уже на второй день своей работы в новом качестве вернулся «с уловом». Когда молодежь, к часу дня уже успевавшая «зверски» проголодаться, отбыла в ближайшее кафе, он, под предлогом поиска нужного слова, «ненадолго задержался», в результате чего в его распоряжении оказалось несколько файлов из основной базы фирмы.

К пресловутой «базе» его компьютер так и не подключили, поэтому действовать и впрямь пришлось как «заправскому шпиону». Достав из кармана флешку, он подсоединил ее к компьютеру Павла и передал первое, что попало под руку – несколько маршрутных схем с сопутствующими расчетами.

Маршруты не имели отношения к регионам, интересующим самого Гурова и его коллег, но он все же решил поделиться радостью по поводу первой удачи. В шесть вечера, попрощавшись с сотрудниками своей «дополнительной» работы, Лев поехал на основную.

Как он и ожидал, Орлов и Крячко были еще на месте, и вскоре в кабинете генерала началось экстренное экспресс-совещание.

– Здесь пока немного, – говорил Гуров, выложив на стол флешку. – В основном маршруты и расчеты. Километраж, расход топлива, заработная плата. Данные разрозненные, систематизировать и анализировать пока сложно. Да и нечего. Просто хотел показать, какого типа будет информация. Для образца, так сказать.

– А что, по-моему, информация вполне нормального типа, – откликнулся Стас. – Маршруты – это ведь как раз то, что нам нужно. Правда, конечно, не все подряд, а только некоторые, вполне определенные. Если будет возможность выбирать, старайся скачивать южное направление и Поволжье. Эти города. Я ведь говорил, сейчас у них должен быть самый пик активности в доставке «товара» до потребителя. Московская «порция» уже на месте, а куда ушло остальное, мы не знаем. Поволжье, оно большое. Да и юг тоже. Краснодар, Астрахань. Что угодно может быть.

– Ты, Лева, попробуй с водителями поговорить, – вступил в разговор Орлов. – Они, я думаю, попроще будут, чем вся эта руководящая клика, с ними быстрее толку добьешься. Угости сигареткой, наладь контакт. Что, мол, возили, куда, как? Не было ли неожиданностей каких? Так, слово за слово, глядишь, и на что-нибудь действительно интересное набрести можно.

– Спасибо за науку, добрые мои, – усмехнулся Лев. – Конечно, советы советовать – оно приятнее, чем самому «в поле» трудиться. Только допросы и я проводил, приходилось, знаете ли. Уж как-нибудь догадаюсь, как водилу-дальнобойщика на откровенность раскрутить.

– Да ты чего, Иваныч, обиделся, что ли? – с чувством заговорил Стас. – Мы ж как лучше хотим. Для пользы дела. Чем быстрее на этих ублюдков выйдем, тем меньше тебе придется в этой шарашке логистом париться.

– При чем здесь обиды? Просто на месте, в этой, как ты сказал, шарашке, мне приходится исходить из реальной ситуации, а не из того, чего бы мне хотелось. По мне, проще всего было бы просто компьютеры их опечатать да всю эту маршрутную базу спокойненько и без хлопот перекачать. Ан нет, приходится по-другому действовать.

– Да, опечатать было бы недурно, – мечтательно прищурился Стас. – Только тогда, боюсь, мы не только воротил этого грязного «бизнеса» за руку не сможем схватить, но даже товар не найдем. Несмотря на то, что будем знать все маршруты.

– Вот именно, – поддержал Гуров, – здесь нужно поаккуратнее. Петр прав, с водителями поговорить не помешало бы, но проблема в том, что пока не видел я там никаких водителей. Контора в самом центре, автопарк в таком месте точно не развернешь. А машины у них наверняка имеются. Водители ведь в штате числятся, получают зарплату. Значит, должны быть и транспортные средства. Иначе что же им водить, этим водителям?

– Логично, – усмехнулся Стас. – Но, в общем-то, ты ведь еще всего-ничего там работаешь, только второй день. У тебя еще все впереди. Еще сможешь узнать и про маршруты подробнее, и про то, где они водителей своих прячут.

Предсказание Стаса сбылось через пару дней. В этот раз Гуров в обеденный перерыв не стал «разгадывать кроссворды», а отправился вместе с молодежью в ближайшее кафе.

Ира и Мила, поклевав какой-то травы и отхлебнув из микроскопических чашечек кофе, упорхнули по каким-то более важным делам, а Гуров и Павел остались за столиком, сосредоточенно занимаясь вполне нормальными порциями вполне нормального мяса с овощами.

– Хм, а что, съедобно, – с видом гурмана резюмировал Лев, прикончив свою порцию.

– Я ведь говорил, дядя Сеня, здесь нормально кормят, – поддержал Паша. – Зря ты не ходишь. Что за радость – бутербродами перебиваться?

– Да, теперь буду иметь в виду, – согласился Гуров. – Дороговато, правда, но... съедобно.

В развитие темы он припомнил очередную байку из армейской жизни, связанную с нарядами в кухне. А когда собеседник от сытости и смешного рассказа окончательно потерял контроль, как бы невзначай приступил к главному:

– Слушай, Паша, а что это как-то странно тут у вас – транспортная компания, а никакого транспорта нет? Весь наш трудолюбивый отдел с утра до ночи маршруты обсчитывает, а кто ездит по этим маршрутам, непонятно.

– Почему же непонятно? У нас целый штат водителей. И свои есть, и со стороны иногда привлекаем. Все как надо. И машины есть. «Газели», легковушки. Фуры даже.

– Правда? А я что-то ни разу этих машин не видел.

– Так они не здесь. Куда здесь их ставить? На Красную площадь, что ли? – усмехнулся Павел. – Автопарк у нас в Мытищах. Там база и гаражи. Мастерские даже есть. И водители в основном там тусуются. Зачем им сюда ходить?

– Это правильно, – поддержал Гуров. – Водителю нужно быть там, где машины.

– Вот именно. Путевые листы им курьер привозит, а иногда и из наших кто может захватить с собой, если по делам туда едет. Иногда приходится ездить по некоторым вопросам. Вот и «нагружают». Но мы не в претензии. Заехал, отдал. Они уж там сами знают.

– Маршруты постоянные? Разных «внеплановых поворотов» не бывает?

– Бывают и внеплановые, но в целом направления известны, так что объяснять много не приходится. У нас водители все опытные, большинство работает давно.

– И что, здесь, в конторе, они вообще никогда не появляются?

– Почему, бывают. Вопросы какие-то приходят выяснять или за зарплатой. Деньги им здесь выдают, туда не возят.

– Безопаснее? – понимающе взглянул Гуров.

– И это, да и хлопот меньше. Чего с деньгами туда-сюда таскаться?

– А вот, кстати, когда бывает зарплата? – лукаво прищурившись, поинтересовался Лев. – Я как-то упустил этот момент.

– Да дня через три должны выдавать, – улыбнулся Паша. – Только тебе, дядя Сеня, навряд ли что-то перепадет. Ты ведь у нас без году неделя, так что аванса не дадут, жди полочки.

– Ну вот, – сделал унылую гримасу Гуров. – А я так надеялся...

– Ничего, какие твои годы, – утешил Паша. – Получишь еще. И аванс, и все прочее, что полагается.

– Ловлю на слове.

Приняв к сведению эту интересную информацию, в день аванса Гуров то и дело выходил в коридор, где в ожидании денег толпились его новые коллеги.

– Что, дядя Сеня, завидно? – подначивал его Колёк, тот самый курьер, о котором упоминал в недавнем разговоре Паша.

– А ты как думаешь? – усмехался Гуров, ни на минуту не забывая о своем имидже добродушного деда-балагура. – Вы тут, значит, капиталы по карманам рассовываете, а я – ходи, облизывайся? Непорядок.

– Капиталы, – криво усмехнувшись, пробурчал себе под нос Эдик из финансового отдела. – Тому, кто капиталы получает, их прямо в кабинет приносят, они за зарплатой в очередь не выстраиваются. Что же племянник ваш не похлопотал, а, Семен Иванович? Глядишь, и на вашу долю рублик-другой перепал бы. Он у нас фигура важная. Тоже, как видите, в очереди не стоит.

– А не хочу я на племянниковой шее сидеть, – улыбаясь, проговорил Гуров. – Я – сам по себе. Он и так уж похлопотал, помог вот на работу сюда устроиться. И на том спасибо. А то сидел дома, как сыч, один-одинешенек. А теперь вот, в хорошей компании, с девушками красивыми общаюсь. Чем не жизнь?

Прохаживаясь по коридору, Лев продолжал балагурить, перебрасываясь то с одним, то с другим короткими репликами, когда дверь из вестибюля открылась и вошел мужчина.

Судя по уверенным движениям, он был здесь своим и хорошо ориентировался во внутренней «географии» офиса, но Гуров сразу отметил, что этого человека он еще не видел.

Бледное лицо, обрамленное прямыми, будто прилизанными светлыми волосами, тусклые серенькие глазки, явно дорогой, с иголки, костюм – все это вызывало в воображении образ классического киношного «серого кардинала». Моментально стихшие при его появлении разговоры, казалось, только лишний раз подтверждали эту догадку.

– Добрый день, добрый день, – не очень правдоподобно изображая радушие, здоровался мужчина. – Томимся в ожидании заслуженного вознаграждения? Дело правильное. А как же? Поработали, нужно и вознаграждение получить. Да?

В этот момент серенькие глазки «кардинала» обратились в сторону Гурова и на секунду превратились в два острых буравчика, готовых, кажется, просверлить насквозь. От этого взгляда даже опытному полковнику стало не по себе, и он не нашел, что ответить.

Впрочем, ответа светловолосый мужчина, кажется, и не ждал. В сопровождении вялых приветствий и поддакиваний притихших «очередников», он прошел к приемной и скрылся в дверях.

Пауза, повисшая после этого в коридоре, еще больше убедила Гурова, что светловолосый – человек непростой, и он решил, что начинать расспросы о нем прямо сейчас будет неправильно. Лучше выбрать удобный момент и поговорить, так сказать, келейно. – Тот же Паша наверняка не откажется поделиться информацией.

Но уже через несколько минут стало ясно, что отложить этот разговор не получится.

Дверь приемной снова открылась, и из нее показалась модельная Нина.

– Семен Иванович! Пройдите, пожалуйста, к Игорю Владимировичу, – с безукоризненной вежливостью отлично выдрессированной «помощницы босса» произнесла она.

– К Игорю Владимировичу? – всем видом показывая, что несказанно удивлен, произнес Гуров. – Хорошо, как скажете, Ниночка.

Очаровательно улыбнувшись, Нина скрылась в предбаннике, а Гуров, сделав испуганное лицо, обратился к Павлу:

– Слышь, Павлик, ты не знаешь, с чего это я вдруг директору понадобился? А? Ты здесь старожил, весь этот «политес» изучил уже, может, отгадаешь загадку. Что я, провинился, что ли, в чем-то? Или не понравилось, что я тут, в коридоре отираюсь, мешаю людям «заслуженное вознаграждение» ожидать. За что меня на ковер требуют?

– Что, страшно? – усмехнулся Паша.

– А как же. Конечно, страшно. Работаю-то, можно сказать, без году неделя, а он сейчас возьмет и скажет – увольняйся.

– Да ладно, дядя Сеня, не переживай. Чем ты мог провиниться? На работу приходишь вовремя, все, что тебе говорят, делаешь. Это он тебя, наверное, Толику показать хочет. Он ему новеньких всегда персонально представляет.

– Толику? Какому Толику?

– А вот мужик, который сейчас пришел, видел? Это и есть Толик.

– А почему меня должны ему представлять? Он ведь, кажется, здесь не работает.

– А ему и не надо работать, – поморщился Паша, – он – руководит. Толик у нас представитель собственника, то есть хозяина фирмы. А поскольку самого хозяина никто здесь ни разу в глаза не видел, то получается, что Толик – самый важный человек. Без него ни один ключевой вопрос не решается. В том числе и кадровый. Так что у директора води себя хорошо и постарайся ему понравиться. А то и правда еще уволят. Как мы тут без тебя?

– Да, без меня вам туго придется, – улынулся Лев. – Нужно постараться Толику понравиться.

Направляясь к двери приемной, он не торопился. Понимая, что сейчас действительно придется выдержать своеобразный экзамен, внутренне настраивался на волну простодушной открытости и незатейливости старого вояки, понимающего, что здесь он не совсем на своем месте, и немного встревоженного этим. Малейшая фальшь в разговоре с быстроглазым Толиком могла испортить все дело, и, открывая дверь в директорский кабинет, Гуров мысленно призывал на помощь все дарованные ему природой актерские способности.

– Здравствуйте, – нерешительно произнес он, скромно остановившись у порога.

– Здравствуйте, здравствуйте, Семен Иванович, – улыбаясь, проговорил директор. – Что же вы стоите в дверях, как не родной? Проходите, присаживайтесь. Вот, Анатолий Сергеевич, позвольте представить вам наше, так сказать, пополнение, – обратился он к сидевшему напротив светловолосому. – Платонов Семен Иванович, глубокоуважаемый дядюшка нашего Сергея. Прошу любить и жаловать.

– Здравствуйте, – обратившись отдельно к Толику, с некоторым испугом произнес Гуров.

– Здравствуйте, здравствуйте. Приятно познакомиться. Присаживайтесь, в ногах правды нет. – Светловолосый говорил с тем же показным радушием, что и в коридоре, но его серенькие глазки снова буравили Гурова, будто хотели просверлить насквозь и вызнать всю подноготную. – Так, значит, решили освоить новую профессию?

– Да... вот, – изображая смущение в присутствии столь высокопоставленных особ, заговорил Гуров. – Это Сережа... он помог. Чего, мол, сидеть целыми днями дома одному. Тут все-таки живые люди, да и делом займешься. И вот... помог.

– У вас, я слышал, недавно случилась беда?

– Да... супруга...

– Сочувствую – совершенно равнодушно произнес светловолосый. – Что ж, Семен Иванович, работайте. Вливайтесь в коллектив, осваивайте профессию. Дерзайте.

– Я, конечно, в этой специальности опыта не имею...

– Ничего, ничего, – подбодрил Толик. – Опыт – дело наживное. Коллектив у нас хороший, понимающий. Если что непонятно, объяснят, не получится – помогут. Дерзайте.

– Да ребята и так уже... очень помогают. Спасибо им.

– Ну, вот и прекрасно. Рад, что вы нашли общий язык с коллегами. Взаимопонимание – это главное в любом деле. А опыт... опыт придет. Со временем.

Поняв, что аудиенция окончена, Гуров поднялся и, пробормотав что-то неуклюжее на прощанье, поспешил удалиться из кабинета.

Он был доволен тем, как все прошло, и думал, что спектакль удался вполне. Пытливые буравчики Толика явно не высверлили ничего настораживающего, и образ безобидного простоватого вояки, смущенного тем, что «по протекции» попал не на свое место, был воспринят им так, как преподнес его полковник.

Чтобы лишний раз не встречаться с Толиком, от директора Лев сразу прошел в отдел. Через некоторое время пришел Паша, получивший, что причиталось, и по этому поводу очень довольный.

– Ну как, познакомили тебя с «главным»? – улыбаясь, спросил он.

– Познакомили, – вздохнув, ответил Гуров. – Ну и рожа у него, скажу я тебе. Просто озноб вызывает.

– Да уж, типчик тот еще. Его даже Игорь боится.

– Игорь? Это директор? Эх, молодежь! Никакого уважения к начальству.

– Почему же? Я наоборот. И даже очень. Со всем возможным почтением выразился.

– Да уж, я и смотрю. – Игорь, Толик, только и слов. Отчество вспоминаешь, только когда напрямую обращаешься, а фамилию, наверное, и знать не знаешь. Мы, бывало, вышестоящих по полному чину называли, хоть при них, хоть в частном разговоре. Такая дисциплина была. А сейчас... Эх, молодежь!

– Почему же? Я прекрасно знаю, – возразил Паша. – Весь «полный чин», и имя, и фамилию, и отчество.

– Да ну? А вот я тебе сейчас устрою экзамен. Предположим, директор, это ладно, директора фамилию ты по должности обязан знать, иначе какой же из тебя подчиненный. А вот ты мне фамилию этого Толика назови. А? Слабо? Здесь-то не много у тебя шансов.

– А вот и не слабо! – рассмеялся Паша. – Знаю и это. Прилучный у него фамилия. Наши втихаря «приблудным» дразнят. Тоже, наверное, за неуважение к начальству сочтете?

– Нет, тут возражать не буду, – ответил Гуров. – Слишком уж тип... скользкий. Точно – приблуда какая-то подозрительная.

Прояснив для себя интересовавший его вопрос, Гуров пошел «покурить». «Штатным» местом для курения была подворотня соседнего дома, куда одержимые вредной привычкой сотрудники уходили, чтобы не задымлять фасад исторического здания. Именно туда после разговора с Пашей он и направился, сказав, что хочет сделать перекур. Но в действительности цель у него была другая. Скрывшись в подворотне, Лев достал телефон и набрал Стаса.

– Трудолюбивым логистам наш пламенный комсомольский привет! – как всегда бодро и оптимистично приветствовал его Крячко. – В связи с чем этот внеплановый сеанс связи? Что-то экстраординарное? Не боишься «засветиться» раньше времени?

– Притормози, Стас, а то, пока ты болтаешь, меня тут точно кто-нибудь «засветит». Типчик здесь интересный нарисовался, хотелось бы по нему какую-то информацию получить. Если удастся, конечно.

– Вас понял, шеф. Молчу и слушаю в оба уха. Что за типчик?

– Некто Прилучный Анатолий Сергеевич. Фигурирует здесь как представитель собственника. На фирме появляется от случая к случаю, но, похоже, именно он здесь за главного. Говорят, его боится даже директор.

– Вон оно как! Seriously.

– Да, похоже на то. Сегодня народу дают аванс, вот и он тоже здесь появился. Не иначе тоже планирует получить денежки. Но дело не в этом, а в том, что не успел он войти к директору, как туда же потащили меня, чтобы представить ему. Я же новенький.

– Смотрины устроили?

– Типа того. Понятно, что о том, кто я и откуда здесь взялся, ему было известно с самого начала, если уж он здесь главный. Но, похоже, до момента нашего знакомства положение мое все еще было под вопросом.

– Но теперь-то, когда вы познакомились, надеюсь, положение это упрочилось? – с некоторым беспокойством спросил Стас.

– Можешь не сомневаться, – уверенно сказал Гуров. – Видел бы ты, какие я тут перед ним мизансцены отыгрывал. Просто любо-дорого!

– Рады, что не ошиблись в вас, дорогой товарищ. Я ведь говорил, что с твоим актерским талантом тебе на роду написано работать под прикрытием.

– Ладно, не о талантах речь. Ты фамилию записал?

– Само собой. Да я и без того запомнил. Обычная фамилия, ничего сложного.

– Зато парень, похоже, необычный. Видел бы ты эту рожу.

– Кирпича просит?

– Уголовного расследования просит. Я буду не я, если это не тот самый «тайный агент», который рулит всеми «специальными» перевозками. Постарайся пробить его биографию и то, как он может быть связан с собственником этой фирмы. Если он вообще как-то с ним связан.

– Вас понял, шеф. Будет сделано. Ты сам-то когда появишься?

– Если будут новости, возможно, заеду сегодня вечером.

– Еще новости?

– Да. Я же говорил тебе – сегодня зарплата. Птички слетаются на корм. Должны еще прибыть водители, с утра их что-то не было. Хочу пообщаться с ними. Если удастся выяснить что-нибудь интересное, вечером заеду. Так что домой не торопитесь.

– Добро. За нами не пропадет, лишь бы с пользой для дела получилось.

– Ладно, закругляемся. Займись Прилучным, думаю, там будет интересно.

Во время разговора из своего «укрытия» Гуров наблюдал за входом в офис и видел, что туда зашли двое мужчин. На вид они были попроще, чем модельные юноши и девушки, работавшие в офисе «Линии», и Лев решил, что это – те самые водители, явившиеся за зарплатой, с которыми ему так хотелось пообщаться.

Он поспешил закончить разговор со Стасом и собирался уже вернуться в офис, когда увидел, что дверь снова открывается и парочка, только что вошедшая туда, выходит обратно.

Недоумевая, что бы это могло значить, Гуров задержался в подворотне, а через минуту к нему присоединились и два водителя.

– Здорово, мужики, – доброжелательно обратился к ним Лев. – Огоньку не найдется? Вышел покурить, а зажигалка пустая.

– Без проблем, – ответил один из них, здоровенный верзила с черными как смоль кудрями, протянул ему зажигалку, прикурил сам и «угостил» своего товарища, невысокого светловолосого мужичка, настолько упитанного, что он казался одинаковым и вширь, и ввысь, напоминая Колобка из детской сказки.

– Денежки пришли получать? – начал разговор Гуров.

– Получишь тут, – с досадой проговорил высокий.

– А что, не дают?

– Да некому давать-то. Из-под самого носа бухгалтерша ускользнула. И ведомость с собой забрала.

– Во как! – удивленно поднял брови Лев. – Куда ж это она?

– К директору пошла. Ему – индивидуальное обслуживание. Вы, крестьяне, и подождать можете. Не растаете, не сахарные.

– Ребята говорят, у него там Толик сидит, – вступил в разговор «Колобок».

– А мне без разницы, – раздраженно ответил высокий. – Хоть Толик, хоть нолик, хоть крестик. Я заработал, я свое получить хочу. У нас не завод с тысячью человек, чтобы за зарплатой полдня в очереди стоять. Если им зарплата – индивидуально, то пусть и ведомость на них индивидуальную пишет. Мне только ехать сюда полдня, а приезжаешь, еще и ждать, оказывается, надо.

– Толик просто так не приезжает, – гнул свою линию толстый. – Смотри, опять придумают что-нибудь... внештатное.

– А мне без разницы. Пускай что хотят придумывают. Я за деньгами приехал. Если человек у тебя работает, ты должен ему платить.

– А что за «внештатное» такое? – вклинился Гуров в этот поток негатива. – Расскажите, мужики, я тут недавно. Что, сверхурочное что-то заставят делать?

– А ты что, из наших, что ли? – удивленно взглянул высокий. – Тоже здесь работаешь?

– Ну да. Я тут недавно. Племянник похлопотал. Чего, говорит, будешь на пенсии скучать, потусуйся лучше в коллективе.

– А-а. Ну, тусуйся, если недавно, – усмехнулся темноволосый. – Поначалу-то оно всегда весело. А потом... Хотя, если ты в конторе сидишь, тебе без разницы. Это мы тут самые крайние всегда.

– «Внештатное» назначают?

– Да всякое. Используют, как хотят, как будто мы крепостные у них.

– Это все Толик мутит, – вновь вступил в разговор толстый. – Он, как ни придет, обязательно что-нибудь придумает. В прошлый раз, когда мне за лишний день не заплатили, тоже так было.

– А что? Что было-то, мужики? – с неподдельным интересом допытывался Гуров.

– А то и было. Следовал мне рейс в Ростов. Ростов-наДону, в смысле, – уточнил толстый. – Уже и груз набрали, не сегодня завтра выезжать. И тут вызывают меня в контору. Приезжай, говорят, путевой лист заберешь. А чего его забирать? Его же Колёк привозит. На то он и курьер, за это и деньги получает.

– Вот именно, – вставил темноволосый. – Они деньги получают, а мы должны за них работу делать.

– Вот и я так сказал. Чего, говорю, мне ехать, пускай Колёк привезет. А Пашка уперся, нет, говорит, ты сам приезжай, тебе будут специальные указания. Пашка из логистики, знаешь его? – обратился толстый к Гурову.

– Знаю, как не знать. Все в одной куче сидим, один коридор на всех.

– Ну вот. Заладил – приезжай да приезжай. Ну что, думаю, с тобой делать. Без путевого листа ведь не поедешь. Приехал в офис. А тут как раз Толик этот тусуется. Я, было, к Пашке, а тот мне – иди, мол, к директору, там тебе все объяснят. Захожу я, а там опять Толик. Развалился за столом по-хозяйски. Надо, говорит, один дополнительный груз взять. Тебе как раз по дороге, ты же в Ростов едешь. Ну, я с дури-то и согласился. Груз так груз. Мне же не на руках его нести. Да и не поспоришь с ними. Начальство.

– Ага, – саркастически усмехнулся темноволосый. – Вот и не поспорил... на шею себе.

– Да уж. Дурака я сваял в тот раз, конечно, большого.

– А почему? Почему дурака сваял? – все с большим интересом слушая рассказ, допытывался Гуров. – Что, груз какой-то неудобный оказался?

– Да что там груз, – пренебрежительно скривился толстый. – Груз как груз. Бытовая техника всякая. Коробки, коробки. Не в грузе дело, а в том, что развозить этот груз пришлось в сто

мест, и пока я с ним валандался, у меня лишние сутки набежали. Маршрут ведь рассчитывается по времени. Сколько насчитают, за столько и платят. Если не уложился – твои проблемы.

– А ты, похоже, не уложился? – сочувственно взглянул на него Лев.

– Да я просто вообще не уложился, – впервые за все время разговора проявил эмоции толстый. – Сказал же – почти сутки потерял.

– Как же так вышло?

– А так и вышло. Он-то начал с того, что груз в Ростов надо завезти, а потом оказалось, что еще и в Волгоград, и в Самару. Самара у меня, правда, была в маршруте, а вот Волгограда не было. А он – заедешь, мол, какая тебе разница, это же по пути. А какой там «по пути»? Так бы я напрямую по трассе жажнул, а тут пришлось в город заезжать, да адрес еще искать полдня. Да и в Самаре этой тоже... Тьфу, аж вспоминать не хочется. Намотался, нервы истрепал, а когда заикнулся было об оплате за этот самый «дополнительный» его груз, так фигу с маслом получил. У тебя, говорят, в путевом листе что написано? Вот за это и получишь. А остальное – твои проблемы.

– То-то и оно, – вновь вставил свое веское слово темноволосый. – Об этом и я говорю. Используют, как хотят.

– Ну да, – рассеянно, как бы припоминая что-то, проговорил толстый. – И главное, ты знаешь, Витек, после того, как принял этот их дополнительный груз, я весь остаток пути, можно сказать, на нервах ехал. Вот беспокойно на душе, и все.

– Будешь тут спокойным, – поддержал высокий. – Если каждый раз за бесплатно работать, по-любому забеспокоишься.

– Да нет, я не о том, – в досаде, что его не понимают, произнес «колобок». – Не знаю, может, показалось... но, как из Самары выехал, хочешь верь, хочешь нет, а полное ощущение у меня было, что за мной наблюдают. – Такое чувство, будто ты шпион, и вражеский разведчик «на хвосте» у тебя сидит. Почти всю дорогу за мной какая-то «Мазда» ехала.

– «Мазда»?

– Ну да. Черная. Постоянно в зеркале у меня маячила. То вроде бы пропадет, поотстанет. А потом смотрю – опять тут как тут. Я уж было подумал, может, «заказал» кто-то меня. Может, специально следят, чтобы ограбить. В общем, как на иголках ехал. Ту поездку на всю жизнь, наверное, запомню.

– Естественно. И день потерял, и нервов сколько истрепал, да и не заплатили еще, – поддержал высокий.

– Ну да... – снова рассеянно, как бы погрузившись в прошлое, произнес «Колобок». – И главное, менты эти... Ты ведь знаешь, как на постах досматривают. Иногда роют, как кроты, как будто золото хотят там откопать. А тут... Чудеса просто. Глазом по верхам кинут и отпускают на все четыре стороны. Езжай, говорят, некогда нам с тобой валандаться. У нас, говорят, поважнее дела есть.

– Да ну? – удивился темноволосый. – Прямо так и говорили?

– Именно! Как будто ангел-хранитель какой меня всю дорогу сопровождал.

– Не поймешь тебя. То разведчик вражеский, то ангел-хранитель. Ты как-то определись.

– И правда, – согласился толстый, только сейчас заметив это очевидное несоответствие. – Что-то я... Но рейс тот и в самом деле был какой-то странный. Это все Толик, он намутил, даже не сомневайся. Взять хотя бы адреса эти, куда мне пришлось эти его коробки доставлять. Вроде бытовая техника, микроволновки там, телевизоры всякие. Кажется, адрес должен быть – квартира какая-нибудь. Правильно? Куда же еще все это доставлять, как не в квартиру?

– В офис, например, – резонно заметил темноволосый.

– Ладно, пускай в офис. Но ведь мне-то везти пришлось и не в офис, и не в квартиру, а в промзону какую-то, к черту на кулички. Вот ты и думай.

– В промзону? А что, просто в контору нельзя было доставить? В Самаре же наш филиал есть. Да и в Волгограде тоже.

– Нет, сказал, что нужно привезти точно в адрес. Если бы я заранее знал, сколько его искать придется, этот адрес, я бы...

– И что бы ты сделал? Ничего бы не сделал. Сам же сказал, с ними не поспоришь. Начальство.

– Да уж. Куда ни кинь, всюду клин, – тяжело вздохнул «Колобок». – Не поспоришь – задаром проездишь целый день, а поспоришь...

– Поспоришь, вообще выкинут, – закончил за него высокий.

– Да уж...

– Радуйся еще и что не вычли с тебя, – усмехнулся высокий, а то за «горючку» сняли бы с тебя денег. Ты ведь не только свое время, ты еще и ихний бензин тратил, пока адреса эти разыскивал.

– Ну, это уж... это уж, знаешь... – вне себя от возмущения не находил слов толстый. – Это уж будет вообще.

– То-то и оно. «Вообще». Ладно, идем уже. Надеюсь, Толик причитающееся получил. Пора и нам денежками разжиться. Ты как, приятель? Идешь? – обратился высокий к Гурову.

– Да, ребята, сейчас. Только докурю.

Немного поотстав, Лев следом за Витьком и его другом направился в офис.

Рассказ «Колобка» заинтересовал его чрезвычайно, и теперь он был уверен, что вечером ему будет что рассказать друзьям и коллегам.

Когда он вернулся в кабинет, то обнаружил, что Ира и Мила уже сидят на своих рабочих местах, внимательно глядя в компьютеры.

– Эй молодежь! А что получку не обмываем? Где чай, где конфеты?

– Это мы твою обмывать будем, дядя Сеня, – ответил за девушек Паша. – У нас уж котопая по счету, обмывать не интересно. А у тебя первая будет. С тебя и чай.

– Смотри-ка, как повернул. Нет чтобы самому ветерана угостить, он еще и с меня норовит стребовать. Эх, молодежь, молодежь! Такие ли традиции мы в вас закладывали.

– Не переживайте так, дядя Сеня, – откликнулась Людмила. – Сейчас я поставлю чай.

Когда закипел чайник и запасливая Ира достала из ящика стола шоколадку, Гуров завел непринужденный доверительный разговор, основной темой которого являлись рабочие нагрузки и уровень вознаграждений за них.

– Вот ты говорил, что вас там с разными путевыми листами в разные места послать могут. Вместо курьеров. – А мне вот водители тоже жаловались на разные «сверхурочные» нагрузки. Рассказывали, что как-то в укомплектованную уже машину добавили дополнительный груз, заставили маршрут изменить, потратить время, а в результате за все эти дополнительные беспокойства ничего не заплатили. Часто так бывает?

– Не знаю, – ответил Паша. – Мы в эти дела не лезем. У нас и своей головной боли хватает.

– Ну как же, – не унимался Гуров. – А он сказал, что это как раз ты его вызвал. Низенький такой, толстый. Неужели не помнишь?

– А, это Мишаня, что ли? Да, было дело, – усмехнулся Паша. – Кстати, как раз вот, когда Толик в очередной раз приезжал. И это, собственно, он его вызвал, а не я. Мне-то он и во сне не снился, этот Мишаня. У него свое, у меня свое. А тут Толик. Очень уж ему понадобилось что-то там куда-то отвезти. Срочно. Переговорил с директором, тот вызвал меня. Позвони, говорит, Мише, у него рейс в Ростов, пускай за путевым листом приедет. Ну, я и позвонил.

– И даже не спросил, с какой это стати Мише самому ехать в офис, когда для доставки путевых листов курьер есть?

– Слушай, дядя Сеня, чего ты вообще от меня хочешь? Они – начальство. Сказали – делай. О чем мне их спрашивать? Меня эта работа устраивает, и проблемы мне совершенно не нужны.

– Понятное дело, – согласился Гуров. – Просто если каждый раз так «сверхурочно» напрягать начнут, пожалуй, и работу разлюбишь.

– Да чего там «каждый раз». Кажется, однажды только и было. А, девчонки? Не помните, было еще когда-то, чтобы Толик в контору за путевыми листами вызывал?

– Нет, не было, – уверенно ответила Мила. – Это с Мишей только был случай. Из ряда вон выходящий, так сказать. А вообще-то у нас все по плану. Это ведь деньги. И маршруты, и ГСМ. Фирма не заинтересована в перерасходах. А значит – заинтересована в том, чтобы все шло по плану. С Мишей – это исключение.

– Умница, Милочка! – умилился Гуров. – Всегда все по полочкам разложит. Я тоже считаю, что все должно быть по плану. Если уж так заведено, что бумажки курьер развозит, значит, он и должен их развозить. А логисты должны заниматься логистикой и на всякие посторонние мелочи не отвлекаться.

– Ну почему же, иногда они и сами забирают эти, как вы выразились, «бумажки», – возразила Мила. – Но это – если получается сделать попутно. Например, если приезжают в офис по каким-то вопросам, вот хоть бы за той же зарплатой. И тогда, если у кого-то скоро рейс и документы готовы, тогда он может сам забрать и путевой лист. А специально – нет. Специально за этим, конечно, не вызывают. Все-таки у них другие обязанности, и для развоза документов действительно существует курьер. Если все сами начнут ездить, за что же тогда ему деньги платить?

Глава 5

Вечером, преисполнившись самых разнообразных догадок и размышлений по поводу недавно полученной информации, Гуров поехал в Управление.

Орлов и Крячко находились на боевом посту и тоже могли похвастаться довольно интересными новостями.

– Да уж, этот твой Прилучный – парень, похоже, непростой, – говорил Стас, проходя вместе с Гуровым по коридору к кабинету Орлова.

– Раскопали что-нибудь на него?

– И да, и нет.

– Как это?

– Очень просто. «В списках», как говорится, такой товарищ значится, а когда пытаешься выяснить что-то конкретное и взять его, так сказать, за жабры, ускользает сквозь пальцы, как мираж.

– Вот оно как. А никто и не обещал, что будет просто, – сказал Гуров, открывая дверь в кабинет генерала.

– Ага, вот он! – улыбаясь, воскликнул Орлов. – Наш человек в тылу врага. Стас сказал, что ты приедешь, если кроме Прилучного будут дополнительные новости. Неужели есть?

– Похоже на то.

– Что ж, колись.

– Нет, сначала вы. Стас уже начал рассказывать про Прилучного. Заинтриговал.

– Да, личность, судя по всему, интересная. Что ж, Стас, тогда первое слово тебе. Раз уж ты начал, так продолжай. Сегодняшний «улов» весь ваш, ребята, я пока при нулевом балансе. Ничего полезного сделать не успел.

– Какие твои годы, Петр Николаевич. Еще сделаешь, – обнадежил Стас. – Так вот, значит, касательно нашего Толика, он же господин Прилучный. Числится он так называемым консультантом в консалтинговой фирме под названием «Ника». Фирма эта оформлена как полагается, регулярно сдает отчетность, аккуратно платит налоги и на данный момент считается ведущей деятельностью. Узнав это, я, как вы сами понимаете, очень обрадовался и поспешил в офис фирмы, чтобы поближе познакомиться с ее многоуважаемыми консультантами. Но – увы! Контора оказалась закрытой. И, судя по запыленности стекол, окружающему безлюдью и общей заброшенности пейзажа, закрыта она уже давно.

– А как же ты догадался, что это офис той самой фирмы? – уточнил генерал. – Только по адресу? Они ведь могли его сменить, это, в общем-то, не возбраняется.

– Да нет, не только, Петр. На фасаде красуется вывеска, расписание часов работы, и выглядит все это довольно солидно и даже не дешево. По-видимому, когда-то фирма и впрямь активно работала и кого-то консультировала, только на данный момент вся эта история уже поросла быльем.

– Но ты ведь сказал, что фирма зарегистрирована легально, – вступил в разговор Гуров. – Что она сдает отчетность, платит налоги. Кто-то же делает все это. Должны же быть адреса, телефоны. Собственник, в конце концов. У нее же есть собственник, у этой «Ники». Человек, который зарегистрировал ее на себя.

– Спасибо, дорогой мой, без тебя я обо всем этом никогда бы не догадался, – изобразив гримасу снисходительного пренебрежения, проговорил Стас. – Но, к сожалению, догадка твоя бесплодна. Адреса, как ты, наверное, и сам уже понял, – сплошная липа, телефоны молчат, отчетность сдается в цифровом виде, а налоги перечисляются по безналу. Ниточек, за которые бы можно было ухватиться, чтобы раскрутить этот интересный клубочек, практически нет. Остается лишь собственник – единственное реальное лицо, кроме, конечно, Прилучного,

которое можно хотя бы формально связать с этой фирмой. До лица мне кое-как удалось-таки дозвониться, но разговора не получилось.

– А кто он, тот собственник? – спросил Гуров.

– Некто Рябушинский Максим Захарович. Сначала он, кажется, просто хотел положить трубку, но когда понял, откуда его беспокоят, все-таки осчастливил парой слов. Его фирма никаких законов не нарушает, все, что с нее следует, уплачивает вовремя, а что до закрытого офиса, так там просто идет ремонт, и уже очень скоро он откроется, чтобы обновленным и прекрасным принять новых посетителей.

– Давно идет ремонт?

– Представь, меня тоже заинтересовал этот вопрос. Оказывается, всего лишь пару недель. Ну, или с месяц, не больше.

– Ну, максимум, полгода, – добавил собственную версию Гуров.

– Или года два-три, – резюмировал Орлов.

– Да, что-то в этом роде, – согласился Стас. – Главная досада в том, что Максим Захарович и рад бы был встретиться со мной и поговорить обо всем этом подробнее, но вот беда – он сейчас в отпуске и буквально не сегодня завтра уезжает на отдых.

– На Луну, – предположил Гуров.

– Не иначе.

– То есть, если я правильно понял, в сухом остатке информации по Прилучному – ноль? – резюмировал Орлов.

– Получается, что так, – печально согласился Стас. – Или почти так. Все-таки что-то выяснить нам удалось. Как минимум то, что этот Толик – личность совершенно «нелегальная» и, одновременно, весьма и весьма влиятельная. Возможно, не только в пределах одной отдельно взятой транспортной компании.

– Я ведь тебе говорил, – взволнованно вступил в разговор Гуров, – он и есть этот самый «агент». Тот, кто от имени наркобанды корректирует маршруты и организует безопасную и незаметную доставку наркоты в нужные точки.

– Может быть, может быть, – задумчиво проговорил Стас. – Предположение, конечно, интересное и наверняка не лишнее оснований, но все-таки пока только предположение.

– Не скажи. Та самая дополнительная информация, о которой я тебе говорил, вполне может перевести это предположение в уверенность.

– Правда? Так вперед! Поведай нам ее скорее, эту информацию. А то сам видишь – тут такой информационный голод, что хоть караул кричи.

Когда Гуров рассказал все, что ему удалось узнать из беседы с водителями и коллегами-логистами, сотрудники заметно воспряли духом.

– Так ведь это уже совсем другое дело! – преисполненный оптимизма, воскликнул Стас. – Это уже вполне реальная «печка», от которой можно плясать.

– Плясать, предположим, пока рановато, – сдержанно ответил Гуров, – но некоторый базовый набор фактов у нас есть. Я думаю, случай с этим Мишаней – одна из схем транспортировки. Вы посмотрите на маршрут. Машина заезжала в Самару и Волгоград. Конечный пункт – Ростов-на-Дону.

– Во всех этих городах есть филиалы фирмы, – заметил Стас.

– Да, и не только это. Если проследить направление движения, нетрудно заметить, что парень объехал то самое Поволжье и закончил свое путешествие в том самом южном регионе, которые известны как основные регионы, где работает наша ОПГ. О чем это может говорить?

– «Точки», куда отправляют наркоту, находятся в тех же городах, где и филиалы фирмы, – с видом примерного ученика отчеканил Стас. – Ты, кстати, не уточнил у Мишани, где распложена промзона, куда он доставлял бытовую технику?

– Всему свое время. Промзона тоже вполне может оказаться не конечным пунктом, а перевалочным. Нужны люди, а не места. А людей у нас пока нет. Толик не в счет, он и под дулом пулемета ни в чем не признается. Нужен кто-то попроще. Такой, кто с «верхами» этой группировки лично не повязан, но в то же время всех знает в лицо и может дать соответствующие показания.

– Наговорил! Где же ты собираешься искать его, этот клад? Такой человек – подарок судьбы, получить его – один шанс на миллион.

– На подарки я не надеюсь, но некое направление для поисков вижу, – ответил Гуров.

– Выйти на нужного человека, это, конечно, было бы неплохо, – веско проговорил Орлов. – Но, на мой взгляд, места тоже имеют значение. Ведь товар всегда везут в какое-то определенное место. Так что их тоже нельзя сбрасывать со счетов. Будем работать параллельно. Ты, Лев, сосредоточься на людях, у тебя, как у опытного логиста, есть для этого все возможности. А Стас займется местами.

– Всегда мне самое трудное, – не преминул заметить Крячко.

– Кстати, по поводу мест, – неодобрительно покосившись на него, заговорил Лев. – Из разговоров я понял, что случай с этим Мишаней – разовый. Больше подобных инцидентов не было. На мой взгляд, это может указывать на то, что схема доставки каждый раз разная. С точки зрения безопасности – это вполне оправдано. А если организация эта разветвленная, значит, она действует достаточно давно, а если действует давно, значит, заботиться о безопасности там умеют.

– Так что же получается – на каждую партию наркоты они придумывают новый маршрут? – спросил Стас.

– Не маршрут, а способ. В тот раз дополнительно нагрузили Мишаню от имени Толика, в другой могли, например, устроить все как реальный заказ некоего физического лица на транспортную перевозку некоего товара. Причем я практически уверен, что курьер, то есть водитель, сидящий за рулем и под видом безобидной микроволновки перевозящий наркоту, всегда используется вслепую. Он не в курсе того, что именно везет, и это – своего рода дополнительная гарантия безопасности.

– Слушай-ка, Иваныч, а ты сам-то понимаешь, какую картину нам тут сейчас нарисовал? Схема доставки каждый раз разная, курьер никогда не в курсе, конечный адрес неизвестен. То есть, другими словами, нам этих ребят не расколоть. Так? Правильно я тебя понял? Все, что они задумают сделать, мы можем раскрыть только пост-фактум, когда в раскрытии этом не будет никакого смысла. Когда товар уже доставят на место, расфасуют по чекам и начнут продавать в розницу, а мы спокойно можем подавать в отставку и выходить на заслуженный отдых в связи с полной профнепригодностью.

– Не сгущай краски, Стас, этого я не говорил, – усмехнулся Гуров. – Просто хотел заметить, что дело не рядовое, и, чтобы раскрыть его, придется поднапрячься.

– Причем, заметь, – в основном мне, – снова соорудил жалобную мину Крячко. – Ведь маршруты – это те самые пресловутые «места», которые дорогой начальник повесил именно на мою многострадальную шею. А тебе так, бирюльки достались.

– Да уж, действительно, – саркастически произнес Лев. – Подумаешь, человека найти, который на лидеров ОПГ мог бы показания дать. И всего-то – масштаб страны. Пустячок.

– Ладно, ладно, не прикидывайся. Цену набивать мы и сами умеем.

– Ребята, давайте по существу, – прервал этот «обмен любезностями» Орлов. – Я вот что хотел спросить, Лев. Этот случай с водителем, Михаил, кажется. Почему ты так уверен, что в тот раз в виде дополнительного груза ему подсунули именно наркоту? Понятно, что Прилучный – тип подозрительный, но тебе не кажется странным, что он вот так вот напрямую, можно сказать, официально заставил человека выполнять свое «особое поручение»?

– Нет, не кажется, – ответил Гуров. – Слышал, наверное, про такой закон – чтобы спрятать какую-то вещь, нужно положить ее на видное место. Вот и здесь такая же история. Никто не заподозрит, что груз, перевозка которого осуществляется так открыто и, как ты выразился, «официально», может содержать в себе что-то подозрительное.

– Хм, резон, пожалуй, есть.

– Здесь не только это, – продолжал Лев. – Рассказывая о том своем рейсе, Мишаня упоминал о преследовавшем его беспокойстве и о некой черной «Мазде», которая ехала за ним почти всю дорогу с того момента, как ему загрузили дополнительный груз Прилучного. Я думаю, это может означать только одно – бандиты контролировали доставку. Следили, чтобы в дороге не происходило никаких ненужных «инцидентов». А если вспомнить еще и то, что полиция на всех без исключения постах относилась к проверке этой машины более чем лояльно, то вывод напрашивается сам собой.

– Хм, – задумчиво произнес генерал. – Ладно, будем считать, что ты меня убедил. Между прочим, неплохо было бы нам эту «Мазду» вычислить. Мишаня, случайно, номера не упоминал?

– Увы! Боюсь, на подарки в этом деле рассчитывать не стоит, – улыбнулся Лев. – Знаем марку и цвет – уже хорошо.

– Куда уж лучше! – фыркнул Стас. – Тачек такой марки и уж тем более цвета – пол-Москвы. И потом, даже учитывая марку и цвет, все равно ни черта мы не знаем. Какой модификации «Мазда»? Седан, джип? А может, гоночная какая-нибудь, эксклюзивная. Нет, ребята, дельце, я вам скажу, – полный «глухарь»...

– Успокойся, Стас, – перебил его Гуров. – Не стоит капитулировать раньше времени. Лучше сосредоточься на своей теме и попытайся извлечь что-нибудь полезное из моих флешек.

– Спасибо, друг. Только извлекать из твоих флешек полезное пока очень проблематично. Слишком уж разрозненные данные. Понятно, что для тебя важно раньше времени не «засветиться» и ты не имеешь форы по времени. Не можешь спокойно сесть и разобраться, какой файл нужно скачивать, а какой не нужно. Давай я подожду, когда ты скачаешь базу полностью, и тогда уже возьмусь за анализ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.